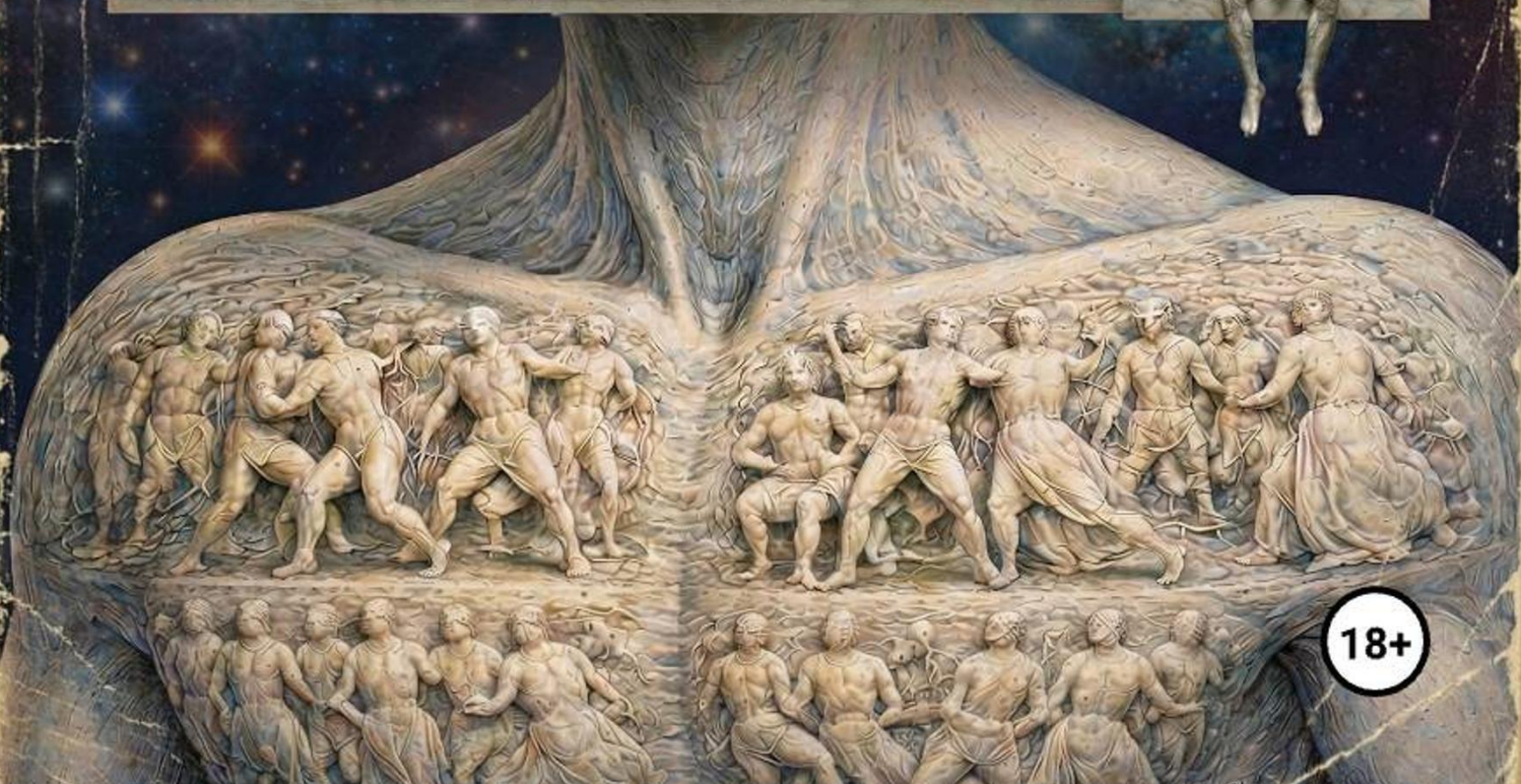

ТЕХНОМАГИ

Иван Стародубтев

18+

Иван Стародубтев

Космоопера: Техномаги

«Автор»

2026

Стародубтев И.

Космоопера: Техномаги / И. Стародубтев — «Автор», 2026

Иллюстрированный роман в жанре классической космической оперы с элементами тёмного фэнтези, борьбы за выживание и боди-хоррора. Липп Чёрный — незаконнорождённый сын князя планеты Гайфы, в подарок от биологического отца получает только лишь дефектного андроида Домо. Неожиданно Домо решает сделать своего нового хозяина сначала новым князем Гайфы, а затем и вовсе — императором всего Империиума, хочет этого сам Липп или нет.

© Стародубтев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Иван Стародубтев

Космоопера 1: Техномаги

Глава 1

В поле стояла невыносимая жара. Пот стекал из-под кожного койфа вниз по лбу, пропитывая густые брови Липпа. Брови набухали словно губки, становясь настолько тяжелыми, что он мог физически чувствовать их вес. Достигнув достаточной массы, пот наконец прорывался сквозь сдерживающие его волоски, и потоки горячей солоноватой жидкости низвергались вниз, заливая ему глаза.

Сняв треклятый койф с головы, он вытер им лицо от пота и уже хотел было бросить его на землю от злости, но рука не посмела этого сделать. Это был не просто головной убор. Это был символ его происхождения. Его бремя и его клеймо. Каждый крепостной Гайфы носил такой же койф. Снимать этот капюшон, сшитый из выделанной бычьей шкуры, разрешалось только внутри собственного дома. И если кто-то смел снять его на улице и об этом узнавал Наместник деревни, то бедняга мог вполне рассчитывать на десять плетей на лобном месте. Причём доложить на тебя мог кто угодно — случайный прохожий, сосед и даже иногда кто-то из родственников. Особенно если они дальние.

Быстро нахлобучив койф на голову, Липп украдкой огляделся по сторонам. На его благо вокруг не было никого, кроме его двух быков, запряжённых в плуг, и верного Домо, покорно стоящего позади него.

— Ты же меня не заложишь, а, Домо? — подмигнул ему Липп.

— Домо, — как всегда равнодушно ответил андроид своим искусственным голосом. После своей поломки он мог лишь повторять последнее услышанное им слово. Как эхо.

Старый андроид был ещё одним напоминанием о его злополучном происхождении. Если быть точнее, то о другой стороне его злополучного происхождения. Ни много ни мало, Липп был незаконнорождённым сыном самого Великого Князя Бора Бранимира III, лорда всей Гайфы. На их несчастье, когда его отец — а если быть точнее, его крепостной приёмный отец Гал Чёрный — женился на его матери Иде, которая тоже была простой крепостной девушкой, в деревню нежданно заехал князь со своей свитой, возвращавшейся после долгой охоты. Будучи навеселе от выпитого вина и убитой дичи, князь присоединился к свадебной процессии и опосля потребовал своё право первой ночи. Таким образом на свет появился он — Липп Чёрный.

Конечно же, будучи незаконнорождённым, он не имел никаких прав и не мог претендовать ни на титул, ни на наследство, ни даже на фамилию отца. Однако по традиции лорд, зачавший ребёнка во время права первой ночи, был обязан дать семье крепостных дорогой подарок. И не просто дорогой, а очень дорогой. Обычно это был породистый скакун из его личной конюшни, которого потом можно было очень выгодно продать. Либо просто шкатулка с монетами и драгоценностями. Но и на этот раз семье крестьянина Липпа не повезло. В качестве подарка старый князь дал им андроида Домо.

Андроиды сами по себе были очень редкими и от того стоили баснословные деньги. Если бы им удалось его продать, вся их семья могла бы не знать бедности до конца своих дней. Могла бы, если бы не два очень важных обстоятельства. Во-первых, Домо был сильно повреждён и был способен только на довольно простые действия. А значит, автоматически терял две трети своей цены. Хотя и это была бы довольно внушительной суммой для них. Но во-вторых, каждый житель Гайфы — не важно, был ли он крестьянином, рабочим, учителем, док-

тором, полицаем, адвокатом или даже судьёй — все были крепостными и не могли зарабатывать больше определённого лимита. Весь крупный бизнес планеты принадлежал князю и его семье. В результате ни у кого, кроме семьи самого князя, не было таких денег, чтобы купить андроида по его настоящей цене. А так как Чёрные были крепостными, то покинуть планету, чтобы продать Дому где-то ещё, не было даже и мысли.

Отец Липпа пытался было продать Дому межпланетным купцам, которые периодически останавливались на Гайфе в ярмарочные периоды. Но ничего хорошего из этого не вышло. Подавляющее большинство купцов были редкими проходимцами и жуликами. Никто не хотел давать за сломанного андроида хорошей цены, предлагая либо совсем смешные деньги, либо и вовсе только свои бесполезные побрякушки на обмен. Один даже имел наглость предложить взять Дому с собой, чтобы продать его на Голденкоре, с обещанием вернуться на Гайфу после продажи и разделить деньги пополам. Этот пройдоха также предлагал оставить в качестве залога своего восьмилетнего сына. Гал, конечно же, был человеком необразованным, но далеко не глупым. «Сын» жулика имел сине-голубую кожу с белыми прожилками, белые как свежесвыпавший снег волосы и красные радужки глаз. Типичный солереанец. В то время как сам торговец имел смуглую кожу и тёмные курчавые волосы. Даже такой необразованный деревенщина, как Гал, знал, что у солереанцев и людей потомство либо рождалось мёртвым, либо умирало через несколько дней после родов от гипоксии. Смешение генов вызывало мутацию в клетках крови, так что гемоглобин был не способен переносить достаточное количество кислорода. Синекожий мальчик наверняка был обычным беспризорником, которого этот жулик подобрал на одном из космических портов, чтобы тот батрачил на него за еду.

Совсем отчаявшись, Гал даже было согласился обменять Дому на быка у одного из свободных фермеров, но его жена Ида вовремя его остановила. Его бедная мать была верующим человеком и рассматривала Дому как подарок судьбы. Нечто вроде счастливого талисмана для её маленького сына. После долгих уговоров Гал согласился. В конце концов, андроиды могли функционировать тысячи лет, и он всегда успеет его продать, если подвернётся более выгодная сделка. На радость Липпа, выгодная сделка так и не подвернулась, и Дому остался у них. Став нечто вроде домашнего питомца.

Липп опять посмотрел на андроида. Дому имел вполне человеческое, анатомически правильное, худощаво-жилистое тело. Единственное, что отличало его от тела человека, было отсутствие гениталий, сосков, ногтей и волосистой растительности, а также молочно-белая кожа, по консистенции больше похожая на отполированный бивень мамута. Шея андроида плавно, без всяких сочленений, переходила в большую голову правильной кубической формы. Отчего издавек Дому походил на человека, нахлобучившего на голову пустой ящик. Но самой необычной чертой андроида была резьба, покрывающая всю его голову, грудь, предплечья и бедра. Ещё будучи ребёнком, Липп водил пальцем по рельефным фигуркам, вырезанным в плотном биопластике кожи Дому, пытаясь прочитать историю, запечатлённую на нём. Но ему никогда не удавалось увидеть полную картину. Тут были маленькие — не больше человеческого ногтя, однако удивительно правильные и детализированные — скульптурки людей. Мужчины и женщины разных возрастов. Они сражались между собой и с различными монстрами, строили дома, ковали оружие, охотились, летали на странных космических кораблях неизвестной конструкции, совокуплялись, рожали детей и умирали. Липп мог поклясться, что истории эти менялись с годами, но происходило это крайне медленно, отчего было так же незаметно, как взросление детей и собственное старение. Иногда случалось такое, что из-за разных несчастных случаев во время работы Дому часть барельефа повреждалась — стиралась или вовсе скалывалась. Однако через некоторое время повреждённые места полностью регенерировали.

Кроме барельефа, на пустом квадратном лице Дому не было ни глаз, ни носа, ни рта. Точнее, нечто вроде рта у него было — скрытое отверстие под его подбородком, которое он

использовал исключительно для приёма пищи. Однако он мог видеть, дышать и мог бы даже нормально разговаривать, если бы не поломка. Липпу всегда было интересно: как это было возможно? Как техномагам старины удавалось создавать подобные чудо-машины? Учитывая, что Великий Упадок, когда все техномаги разом покинули Империю, случился около тысячи лет назад, то и самому Дому было не меньше тысячи лет. Может, даже больше. Гораздо больше. Сколько всего он успел повидать за эту уйму лет? Сколько исторических событий пережить? Мятаж Роз? Великий Упадок? Золотую Эру Техномагии? Может, даже Первую Империю? Сколько всего он мог бы рассказать? Однако по непонятной причине он мог только лишь повторять последнее услышанное слово. Единственные, кто бы мог его починить, были его создатели — техномаги. Не очередной шарлатан, выдающий себя за техномага, а настоящий техномаг Золотой Эры. Но увы, все они исчезли вместе со всей Золотой Эрой. Скрылись на бескрайних парсеках неисследованного космоса либо вовсе уже вымерли, унеся все свои чудеса и тайны в могилы.

Тяжело вздохнув, Липп опять навалился на плуг, вгоняя его лезвие поглубже во влажную землю, и прикрикнул на своих быков. Массивные, покрытые длинной шерстью животные с раздвоенными рогами недовольно фыркнули, однако покорно потопали вперёд, волоча за собой тяжёлый плуг. Домо двинулся за ним, доставая из котомки горсть мелких яиц жуаранона и кидая их в разрыхлённую землю.

Через несколько дней начнётся сезон дождей. Поле заболотится, и из яиц вылупятся личинки жуаранона. Уже через месяц каждая из них будет размером с кусок кровяной колбасы. Главное — не прозевать и собрать их до того, как они окуклятся и превратятся в свою взрослую форму. Взрослые жуараноны, кроме того что были несъедобными, также являлись опасными вредителями, пожирающими всё на своём пути. Горе тому крестьянину, что пропустит момент окукливания. Мало того что высекут на лобном месте и заставят штраф платить, так ещё и презирать всей деревней до конца жизни будут.

Несмотря на то что земля уже была многократно распахана в прошлые сезоны, почва всё равно была крайне неподатлива. Тут и там попадались то толстые корни, то камни. Приходилось буквально наваливаться на плуг всем своим весом. А веса у него было так себе. Одни жилы. Сюда бы сейчас массивного свинопаса Корина. Положи он на плуг только одно своё пузо, тот бы быстро вошёл в землю по самую рукоятку.

Эх, как было бы хорошо, если бы Корин пахал за него землю, а он бы пас за него свиней. Это же не работа, а просто сказка какая-то. Лежи себе в тенёчке, поплёвывай от безделья да периодически поглядывай на стадо, чтобы не разбежалось. Но увы, жизнь была несправедливой. Поэтому ему приходилось пахать, а Корину — пасты.

Говорят, до Упадка всю тяжёлую работу за людей выполняли машины и андрониды. Интересно, каково это было? С одной стороны — не работать было бы хорошо, но с другой — что тогда вообще делать? Ну день не поработаешь, ну два. А потом что? Так и со скуки помереть было бы недолго. Наверное, поэтому в старину так много и воевали друг с другом. Тупо от безделья. Сейчас, конечно, тоже воюют, но всё же не так как раньше. В стародавние времена, говорят, бывало, целые планеты выжигали. От того техномаги вроде и ушли. Не захотели больше делать оружие для бесконечных войн. Интересно, где они сейчас все?

Липп попытался представить себе мир, населённый только техномагами. Если они и тысячу лет назад создавали такие чудеса, то что успели создать за всё это время? Но сколько он ни силился, так и не смог представить себе жизнь на подобной планете.

За раздумьями время пролетело незаметно, и настал долгожданный вечер. Холодный ветерок приятно дунул в шею Липпа, как бы ознаменовав конец рабочего дня. Отстегнув быков от плуга, он перезапряг их в телегу. После этого они с Домо уселись на сиденье телеги и медленно двинулись в сторону деревни.

Дорога от поля до Ольхова Луга пролежала через густой лес, являвшийся охотничьими угодьями самого князя. Простому люду запрещалось тут не только охотиться и рубить дрова, но даже ступать в него.

В животе у Липпа заурчало. Весь приготовленный заранее обед, состоявший из ломтя хлеба, полголовки сыра и вяленой личинки жуаранона, он умял ещё днём. Как назло, у обочины дороги показалась полянка, заросшая придорожниками — грибами с кувшинообразной шляпкой зеленоватого цвета. Один только их вид наполнял рот Липпа слюной. Собирать грибы и ягоды в лесу князя также категорически запрещалось. Несмотря на то что ни князь, ни его семья, ни даже его слуги сами никогда тут ничего не собирали.

Липп остановил телегу и огляделся по сторонам. Как и ожидалось — никого не было видно.

«Ну это же было совершенно несправедливо, чтобы такое добро пропадало зря?» — рационализировал он про себя. Всё равно эти придорожники никто не съест. Разве что только дикие кабаны, но у них и так всякого другого добра целый лес, а у него нет ничего.

Спрыгнув с телеги, он начал быстро срывать грибы и кидать их в пустую котомку из-под еды, параллельно озираясь по сторонам. Тут краем глаза он выцепил кое-что ещё. В нескольких метрах от него на трухлявом стволе упавшего дерева красовалась россыпь плодовых тел золоти́ков. Золоти́ки встречались довольно редко и за это, плюс ещё за свои отменные вкусовые свойства, считались настоящим деликатесом среди грибов. Такую россыпь можно было продать на рынке не менее чем за золотой рупь, а если хорошо постараться, то и выторговать целых два! О том чтобы продать их на рынке, конечно, не было даже и речи. Могут возникнуть ненужные вопросы. Но по крайней мере налопается он от души.

Не веря своему счастью, он вытряхнул бесполезные теперь придорожники в кусты и пошёл собирать золоти́ки. Достав свой нож, он осторожно срезал первое плодовое тело, по форме и размеру напоминавшее пирожок. Снаружи золоти́ки были покрыты плотной коркой желтовато-оранжевого цвета, а внутри были мягкими как молодой сыр. Не удержавшись, он откусил большой кусок и начал жевать, причмокивая от наслаждения. Молочно-белый сок полился из уголков его губ вниз по его короткой бороде. Вкус поистине был божественным.

Наевшись и собрав остатки в котомку, Липп огляделся и опять не поверил своему везению. В метре от него на старом пне тоже росли золоти́ки! Правда, всего несколько штук, зато на следующем пне их была целая россыпь!

Забыв обо всём, Липп срезал драгоценные грибы один за другим, как вдруг сбоку от него хрустнула ветка. Похолодев от страха, он медленно повернул голову на звук. В густых зарослях кустарника сверкнули два глаза — словно два изумруда в лучах солнца. Раздалось негромкое рычание, и из кустов медленно вышел здоровенный джембэк — разновидность кабана с длинными острыми иглами на спине, как у дикобраза. Зверь несколько раз втянул воздух своим чёрным пятакон и причмокнул ртом, из которого торчали два саблевидных бивня. Его полупрозрачные кристаллические иглы переливались разными цветами радуги в лучах заходящего солнца.

«За парочку таких игл тоже можно целый рупь получить», — почему-то подумалось ему. Хотя вопрос его выживания был куда как более насущным.

Стараясь унять своё беспокойное дыхание и не делая резких движений, он достал из котомки один золоти́к и бросил его под ноги джембэку.

— На, съешь лучше это, — ласково, почти нараспев, пробормотал Липп.

Джембэк понюхал гриб и равнодушно поднял голову. Видимо, сегодня его аппетит был не по грибам.

— Ну чего же ты? — подбодрил его Липп. — Это же вкусно. Ты только попробуй.

Кабан только оскалил зубы и присел, готовясь к прыжку.

Липп выругался про себя и крепче сжал нож, отводя руку для удара и выставляя вперёд котомку как импровизированный щит.

Следующие события пролетели как молния.

Кабан ринулся на Липпа, но на полпути его сбил с ног выпрыгнувший откуда ни возьмись Домо. Подмяв под себя острые иглы животного, чтобы не напороться на них, андроид

обхватил его грудь и начал сдавливать её. У джембэка хрустнули рёбра, но это его только ещё больше разозлило. Вскочив на ноги, зверюга скинул с себя искусственного человека и тут же впился ему в ногу, прокусывая её прямо до его синтетической кости. Из многочисленных ран на пластикоже Домо хлынула густая белая гемолимфа. Искусственная кровь андроида была противной на вкус, и боров тут же выпустил ногу из своих зубов. В этот момент опомнившийся от шока Липп подскочил на помощь другу и вогнал нож в глаз джембэку по самую рукоятку. Зверюга взревел от боли, крутанулся волчком, выворачивая нож из рук своего противника, и попятился назад. Единственный уцелевший глаз зверя, полный ненависти и холодной решимости отомстить во что бы то ни стало, уставился на Липпа. Из второго глаза торчала рукоятка ножа и стекала густая тёмно-бурая кровь. В воздухе стоял тяжёлый запах железа, ненависти и страха.

Верный Домо попытался встать, но опять завалился на бок. Его левая нога была разорвана в клочья. Кость раздроблена. Липп тяжело сглотнул. Теперь у него не было ни Домо, ни ножа. Только голые руки.

«Неужели это всё?» — пронеслось у него в голове. Никчёмно прожить двадцать лет жизни и быть съеденным диким джембэком? Это и есть его судьба?

Кабан опять было ринулся вперёд, но и на этот раз неудачно. Прогремел выстрел, от которого у Липпа чуть сердце не выпрыгнуло из груди. Трассирующая пуля, маленькая и остроконечная, влетела в уцелевший глаз и, словно бешеная пчела, начала метаться внутри черепной коробки животного, перемалывая его мозг в кашу.

Кабан ещё постоял несколько мгновений, словно отказываясь умирать, но потом всё же повалился на бок, как сброшенная с пьедестала статуя.

Липп, без сил, упал на колени вслед за зверем.

Из чащи леса, верхом на лошадях, вышли трое — два молодых мужчины и девушка. Все были одеты в явно дорогостоящие охотничьи гарбы с накладками из лёгкой брони, защищающими туловище, плечи, пах, предплечья и голени. У каждого в руке была охотничья винтовка, отлитая из того же белого костеподобного материала, что и кожа Домо. Так же, как и андроид, винтовки были покрыты искусной резьбой по всей своей длине. Явно работа времён техномагов и от того явно неимоверно дорогие. Мужчины были гладко выбриты, отчего казались Липпу намного моложе, чем они были на самом деле. Крестьяне в его деревне никогда не брились. Так что он привык, что только у женщин, детей и ранних подростков не было бороды.

У Липпа опять похолодело в груди. Дорогие облачение и оружие, бритые лица, ухоженные и упитанные скакуны. Охотники явно были из благородных. Так что ещё неизвестно, что было лучше — опять оказаться один на один с джембэком или иметь дело с ними.

Троица спешила со своих лошадей и подошла к нему.

— Так, так, так. Кто это тут у нас? Неужели браконьер? — спросил один из мужчин, скаля идеально ровные зубы в нехорошей, хищной улыбке. Он был невысок, худощав, и его длинные огненно-рыжие волосы были заплетены в две косички, как иногда заплетают незамужние девки в его деревне. И говорил он с явным акцентом, похожим на акцент инопланетных купцов.

Липп почувствовал, как у него в скальпе закололи сотни холодных иголок.

— Никак нет, барин, — начал оправдываться он заплетающимся языком. — Крестьянин я. Какой же я браконьер?

Второй мужчина, высокий и широкоплечий, с длинными русыми волосами, собранными в хвост, подошёл к всё ещё стоящему на коленях Липпу и сильно пихнул его сапогом в плечо, отчего тот упал на спину.

— Ты чего врёшь, собака? — прорычал он сквозь зубы без всякого акцента. Подойдя к телу джембэка, он вытащил нож из его глазницы и продемонстрировал окровавленное лезвие Липпу. — Это что такое, а? Тебе кто разрешал тут охотиться, пёс?

Он кинул нож под ноги Липпу.

— Да не охотился я, барин, — опять начал оправдываться Липп, поднимаясь на ноги. — Грибы собирал, каюсь, да. Но охотиться мне и нечем. Не ножом же этим. На меня этот джембэк напал — я его и пырнул один раз.

Без предупреждения русоволосый ударил Липпа кулаком, рассекая ему губу. Рот Липпа тут же наполнился солоноватой кровью. Он сделал шаг назад. В груди у него на миг вспыхнула ярость, но она тут же затихла, как искра из костра, сменяясь страхом и жалостью к самому себе.

Спутники русоволосого рассмеялись.

— Ты что? Меня дураком называешь? — опять прорычал русоволосый без тени смеха. — Если я сказал, что ты тут охотился, значит ты тут охотился. Понял, пёс?

Липп не знал, что ответить. С одной стороны его подмывало согласиться, но с другой ему совсем не хотелось брать на себя вину и нести наказание за то, чего он не делал.

Не дождавшись ответа, русоволосый отвесил ему пощёчину, от которой у Липпа зазвенело в ушах.

— Понял, пёс?! — повторил он, медленно проговаривая слова.

Липп смиренно закивал.

— Ты хоть знаешь, чего ты натворил, убогий? — спросил рыжий с косичками. Ему явно не терпелось тоже принять участие в унижении крестьянина. — Мы этого джембэка целый день загоняли. А ты взял и убил его. Что нам теперь делать? На кого охотиться? — Он достал из ножен на поясе большой охотничий нож и играючи провёл его кончиком по груди Липпа. — Есть какие идеи?

Липп почувствовал, что ему становится дурно. На глазах навернулись слёзы. И чёрт его дёрнул собирать эти поганые грибы?! Не увидь он эту поляну с придорожниками, проехал бы мимо. Уже бы сейчас дома был. Лежал бы себе на печи да щи вчерашние хлебал. Нет, те придорожники с золотовиками явно злые лесные духи насеяли, чтобы его с пути сбить и беду накликать.

— Отвечай, пёс, когда тебя великорождённый спрашивает, — русоволосый сжал кулаки.

— Эй, Поль, — подала голос девушка. Такая же рыжеволосая, как парень с косичками, и говорящая с таким же акцентом. Наверное, его сестра. — Ты посмотри, этот бедолага просто вылитый ты.

Русоволосый Поль и Липп посмотрели друг на друга. Действительно, у обоих был одинаковый правильный нос, не слишком большой и не слишком маленький. Правильные черты лица, волевой подбородок, голубые глаза и русые волосы. Только у Липпа они были немного потемнее, да и ростом он был на полголовы ниже.

Сомнений больше не оставалось. Перед ним стоял никто иной, как его полубрат — княжич Поль Бранимир. Хотя всё было довольно логичным. Кому ещё охотиться в лесу князя, как не отпрыску князя с его высокорождёнными друзьями-приятелями?

— А ведь и правда, — вторил своей сестре парень с косичками. — Похож. И ты посмотри, — он указал на Дому. — У него и андроид есть. А не твой ли это братец, Поль?

Поль недовольно хмыкнул и отвернулся. Ему явно было неприятно смотреть на Липпа. Наверное, ему казалось, что он смотрится в кривое зеркало, в котором отражается то, каким он сам мог бы быть, попади семя его благородного отца не в то лоно.

— Не брат он мне. Так, очередной батин ублюдок. Он их в своё время по всей округе настругал.

Слова полубрата задела Липпа. Хотя, с другой стороны, чего он ещё ожидал? Что тот заключит его в объятия и назовёт братом? Для него и всей его семейки он навсегда останется всего-навсего ублюдком. Выброшенным генетическим материалом.

— Ну и чего ты улыбишься? — бросил Поль рыжему. — Можно подумать, у твоего отца ублюдков нет.

Рыжеволосый запрокинул голову и коротко гоготнул.

— Если бы наш отец не давал своим шлюхам специальный отвар перед коитусом, у нас бы его ублюдками пол планеты заселено было.

— За нами корабль уже вечером прибывает. Мы охотиться будем или как? — пожаловалась сестра рыжего.

— На кого охотиться? — развёл руками её брат. — Поль джембэка уже пристрелил. А если ещё одного выслеживать начнём, так точно на корабль опоздаем.

— Как всегда, — она надула губки. — Приезжаем поохотиться. Летим чёрт знает сколько, а в итоге Поль всегда стреляет всю дичь, а мы тупо волочимся за ним как его личная свита. Надоело.

— Не обижайся, Зара, — улыбнулся ей Поль. — Я обещаю — в нашу следующую охоту я даже ружья брать не буду. Вся дичь твоя.

— Не, — Зара махнула рукой. — Мне тут уже наскучило.

— Ну а куда тогда? — спросил Поль. — У вас на Тарсе и охотиться-то негде. Одни скалы да океаны.

— Зато рыбалка какая, — оскалил идеально белые зубы рыжий брат Зары.

— Рыбалка — это удел черни, — огрызнулся Поль.

— Удел черни, удел черни, — передразнил его рыжий. — Ты вообще какой-то скучный стал. Может, нам лучше твоего братца-ублюдка с собой взять? Даже он наверняка повеселее тебя будет. Что скажешь, братец-ублюдок Поля? — он повернулся к Липпу. — Полетишь с нами рыбачить на Тарсу?

— Я... Я не знаю... — замялся Липп.

Он не успел закончить свою мысль, так как его высокорождённый брат опять без предупреждения заехал ему кулаком в челюсть. Перед глазами Липпа всё поплыло. Он пошатнулся и упал на своё мягкое место.

— Это из-за таких вот браконьеров, как этот, у нас дичи в лесах мало стало, — процедил Поль, вытаскивая из кобуры пистолет. — Всех вас перестрелять надо, как бешеных псов.

Он нацелил дуло прямо в голову Липпа. Липп хотел достойно встретить свой конец, но его рука инстинктивно рванула вверх, закрывая голову от пули, а изо рта само вылетело:

— Нет, пожалуйста! Не надо!

Но хуже всего было то, что он почувствовал, как у него между ног начало расплываться мокрое пятно.

— Эй, эй, — рыжеволосый подскочил к своему другу и схватил его за руку, держащую пистолет. — Ты чего удумал?

— Отпусти меня, Хальфсен, — процедил Поль, не спуская глаз со своего полубрата-ублюдка.

Но рыжий Хальфсен и не думал отпускать.

— Мы к тебе в гости прилетели развлекаться, а ты нас опять в проблемы хочешь загнать?

— Хальфсен правду говорит, — подала голос Зара. — Тебе мало было проблем, когда ты того кларнета на Икарусе пырнул?

— То была дуэль, — возразил Поль. — А это чернь, да ещё и батин ублюдок и браконьер. За него никто ничего не скажет.

— Если твой отец узнает, а он узнает, то и тебе мало не покажется, и нам влетит, когда он нашему отцу всё расскажет, — твёрдо сказала Зара.

Поль сплюнул.

— И что же, нам теперь и браконьеров не наказывать?

— Ты посмотри на него, — Хальфсен указал на Липпа. — Он же уже и так от страха обмочился. Наверное, теперь ещё и заикаться начнёт. Если так уж хочется его наказать — иди сообщи его наместнику. Он его выпорет.

— Не, — Поль опустил руку с пистолетом. — Слишком много волокиты. Мне лень. Но наказать его всё же стоит.

Поль опять вскинул пистолет и направил дуло в голову Липпа. Липп побледнел и застыл как статуя. Добившись желанного результата, Поль усмехнулся, отвёл пистолет в сторону и выстрелил.

Липп аж подпрыгнул и покосился назад.

Пуля ударила прямо в квадратное лицо верного Домо и вылетела с обратной стороны, выбивая приличный кусок гравированного затылка. Андроид упал на спину, раскинув руки.

Довольный своей местью, Поль поднял дуло к губам, сдул курящийся с него пороховой дымок и с довольной улыбкой убрал оружие обратно в кобуру.

— Ещё раз тебя тут встречу — наплюю на все запреты и пристрелю как шелудивую собаку, — пообещал он, пнув в его сторону комок земли и сплюнув под ноги.

— Бывай, убудок, — всё с такой же лучезарной улыбкой попрощался с ним Хальфсен.

— Джембэка брать будем? — спросила Зара.

— Ну его, — махнул рукой Поль. — Возиться неохота.

Троица высокорождённых оседлала своих скакунов, выехала на дорогу и поскакала прочь.

Дрожа всем телом, Липп проводил взглядом своего полубрата и его друзей, пока они не скрылись из виду. Он хотел испытывать к ним ненависть, желать убить их здесь и сейчас. Но вместо этого он чувствовал лишь... благодарность. Благодарность за то, что они его не убили. Как провинившийся пёс перед хозяином, которого только что отстегали прутом, а он заискивающе смотрит в глаза и виляет хвостом. Видать, прав был его полубрат — он действительно был псом, пусть и с половиной благородной крови, текущей у него по венам. Но хуже всего

было то, что вместо жалости к верному Дому он чувствовал облегчение, что выстрелили в андроида, а не в него. Сгорая от стыда и ненависти к самому себе, он быстро, на четвереньках, подполз к распластанному телу робота.

Грудь Дому не поднималась. Он не дышал. Из рваной дыры в его затылке разлилась лужица белёсой слизи, заменяющей ему кровь, а также вылезли какие-то склизкие трубки, похожие на кишки.

Однако шанс ещё был. Андрониды этой модели обладали удивительной способностью к регенерации. Однажды ему даже удалось отрастить новую руку. Старую он потерял, когда по неосторожности сунул её в заряженный отцовский капкан. Правда, ушло у него на это чуть ли не целый месяц. Всё что им нужно было сделать, чтобы восстановить повреждённые ткани, — это поглотить большое количество органики. Органика могла быть совершенно любая, хоть дохлая крыса, хоть листья с деревьев, но Липп решил не мелочиться.

Подняв с земли свою котомку с треклятыми золоти́виками, он достал один гриб и поднёс его к квадратному лицу своего друга.

— Ну же, Дому, давай, — умолял он. — Съешь его.

Дому не шевелился. Тогда Липп нашарил в сухой листе свой нож, затем положил голову Дому себе на колени, испачкав себе штаны кровью андроида. Псевдокровь имела неприятный синтетический запах, как пахнет краска или свежий пластик, но он не обращал на это внимания. Найдя под подбородком Дому квадратную крышку, он просунул кончик ножа в её зазор и, надавив на ручку, открыл её. Внутри находился компартмент с телескопическим хоботком, через который Дому поглощал свою еду. Вытянув хоботок наружу, Липп насильно впихнул туда кусок золоти́вика. Ничего не произошло.

Начав паниковать, Липп вытащил кусок золоти́вика из хоботка, разжевал его и сплюнул обратно в хоботок.

На этот раз разжёванный гриб медленно всосало внутрь.

Забыв все свои печали и чуть ли не прыгая от радости, Липп начал разжёвывать грибы и сплёвывать их в хоботок один за другим. Покончив с золоти́виками, он сбегал на полянку с придорожниками и также скормил их Дому.

Умяв все грибы, андроид неожиданно и резко принял сидячее положение. Липп даже отскочил в страхе. Старожилы говорили, что иногда в умершего человека может вселиться злой дух, превращая усопшего в упыря — живого мертвеца без души. Но ведь Дому человеком не был. Интересно, могут ли злые духи вселяться в мёртвых роботов? Отогнав от себя дурные мысли, он обошёл андроида сзади и посмотрел в дырку в его затылке. Та уже начала зарастать. Вывалившиеся трубки залезли обратно и срослись между собой. Пустое пространство в кубическом черепе начало быстро заполняться тонкими паутинками, которые вытягивались из стенок сами собой, переплетаясь в причудливые конфигурации. Вскоре этих паутинок стало так много, что они стали похожи на тканое полотно. Только полотно это было не плоским, а трёхмерным. Самой последней выросла молочно-белая «кожа», на которой тут же выступил прежний барельеф. Липпу только показалось, что теперь он изображал совсем другую историю.

Опустив взгляд ниже, он заметил, что вместе с головой у Дому заросла и его разорванная джембэком нога.

— Дому, ты живой! — радостно вскрикнул Липп и крепко обнял андроида. — Я уже думал, что ты всё...

— Спасибо за заботу, хозяин, — неожиданно ответил Дому своим искусственным голосом.

Липп оторопел и отпрянул назад. За все свои двадцать лет жизни он ни разу не слышал от андроида ни одного связного предложения. Может, и правда в него злые лесные духи вселились?

— Ты... Ты можешь говорить? — неуверенно спросил он.

— Теперь могу.

— Но как?

Домо поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Его сверхчувствительные зрительные сенсоры заметили что-то в лужице его гемолимфы на земле. Он поднял предмет и продемонстрировал его своему хозяину. Это был слегка деформированный шарик, отлитый из свинца. Сантиметра два в диаметре. Липп тут же узнал в шарике пулю, какую используют в однозарядных пистолетах для дуэлей у высокорождённых. Но это явно была не малокалиберная пуля из пистолета Поля.

Домо начал объяснять:

— Когда-то давно мой прежний хозяин и твой дед — Князь Петрос Бранимир, — будучи в стельку пьяным, выстрелил в меня из дуэльного пистолета. Просто шутки ради. Вместо того чтобы вылететь насквозь, пуля застряла в моих мозговых схемах, блокируя восстановление первоначальных конфигураций. В результате я потерял способность говорить, и мои мыслительные функции стали... Как бы это помягче выразиться? — Домо задумался на секунду. — Значительно заторможенными. Проще говоря — я стал идиотом. Сегодня, по невероятному везению, твой полубрат выбил мне кусок головы, где сидела пуля, и я смог полностью восстановить все свои функции.

— Погоди, — сказал Липп, переварив полученную информацию, — если ты всё это время был идиотом... Прости. Как тогда ты знаешь про моего деда-князя и полубрата?

— Я не мог нормально функционировать, но у меня до сих пор есть доступ ко всей моей памяти. И как андроид, я помню абсолютно всё до последней миллисекунды.

— Прямо всё? — недоверчиво спросил Липп. — Тебе же половину мозгов вышибли.

— Правильно говорить не «половину мозгов», а «половину мозга». Мозг — что у тебя, что у меня — один, — поправил его андроид. — Но в отличие от людей, моя память периодически сохраняется в моей ДНК и хранится в каждой клетке моего тела. Поэтому в случае повреждения мозга моё тело может полностью его восстановить. Вместе со всей моей памятью.

Только сейчас Липп осознал, что наконец исполнилась его давняя мечта. Теперь, когда Домо может говорить, он наконец может рассказать ему о временах техномагов. Как говорится — из первых уст. Вся деревня соберётся слушать его истории. Разумеется, не за бесплатно. Даже если брать по медяку с рыла за каждую историю, ему удастся неплохо заработать. Жаль, конечно, что золотовиков больше не осталось. Он бы на них тоже смог хорошо навариться. Зато его убудодшный братец и его не менее убудодшные дружки оставили каркас джембэка. А значит, он не только может забрать себе его мясо, но и выгодно продать все его иглы. Не все сразу, конечно же. Но хотя бы по одной в один-два месяца. Чтобы ничего не заподозрили. Пускай его побили, он пережил величайший позор всей своей жизни и чуть не лишился самой жизни, но по крайней мере он вышел из всей этой истории не с пустыми руками.

— Эх, погоди, пока батя узнает, что ты сам починился, — с довольной улыбкой сказал Липп, потирая руки. — Вот он обрадуется, что не променял тебя тогда на тощего быка.

— Никто не должен знать, что я умею разговаривать, — оборвал его мечты Домо.

— Это ещё почему? — недовольно спросил Липп.

— Подумай сам. Андроиды моей модели стоят целое состояние. Единственная причина, по которой твой биологический отец-князь отдал меня в качестве подарка первой ночи и почему меня не выкрали космические купцы, это то, что я был повреждён и все думали, что никто, кроме исчезнувших навсегда техномагов, не может меня починить. Если кто-то узнает о моей исправности, то меня обязательно либо выкрадут, либо твой приёмный отец сам меня продаст.

Липп мысленно отругал себя за то, что сам про это не подумал. Это же было так очевидно. Мысли о том, чтобы продать Домо и озолотиться, у него даже не возникало. Может, для его

отца старый андроид и был не более чем странным гибридом между домашним животным и рабочим инструментом, но для него он давно уже стал членом семьи.

— Да, ты прав, — с грустью сказал Липп. — Не бойся. Я никому не скажу, что ты можешь говорить.

Глава 2

Погрузив тело джембэка в телегу и накрыв его брезентом, они двинулись в сторону деревни. Липп хотел пораспрашивать Дому про времена техномагов, но тот, сославшись на то, что ему нужно больше времени для восстановления, полдороги лежал в обнимку с мёртвым джембэком, высасывая из него кровь своим хоботком, а вторую половину провёл в состоянии гибернации.

Когда он уже подъезжал к деревне, почти полностью стемнело. На поляне у въезда полыхал костёр, около которого в полукруг расселась местная молодёжь. Завидев телегу Липпа, его друзья — Мот и Медведь — начали махать ему рукой. Липп быстро поспешил накинуть себе на колени куртку, чтобы никто не увидел мокрого пятна у него на штанах.

— Ох и ни фиги же себе! — воскликнул Мот, когда телега Липпа поравнялась с костром. — Это кто тебя так отделал?

Только сейчас Липп вспомнил, что после ударов его полубратца у него наверняка всё лицо опухло, как рожа пьяницы Тука. У него в голове тут же начали прокручиваться различные варианты лжи. Можно было сказать, что он напоролся на толпу пацанов из соседней деревни. Например из Юшки. У них как раз с ними была свежая вражда. Но это могло спровоцировать очередной поход и массовую драку. А у него и без этого уже зубы шатались. В конце концов он решил рассказать полуправду:

— Да так, — он махнул рукой. — По дороге встретил дальнего родственника, с которым мы в ссоре. Слово за слово. Короче, повздорили мы с ним немного.

— Ага, заливай, — не поверил ему Джага. — Наверняка какую-нибудь девку из Юшки испортил, а её папаша или братья тебе зубы за это пересчитали.

Джага рассмеялся над собственной шуткой. Остальные тут же к нему присоединились.

Липп всегда не любил Джагу. Он уже хотел было встать, чтобы ему самому зубы пересчитать — благо их у него было немного, — но вспомнив про пятно на штанах, быстро успокоился и решил отшутиться:

— По крайней мере мне юшкинские девки дают. А ты, когда время придёт, на своей правой руке женишься, а с левой ей изменять будешь.

Липп сжал руку в кулак и потряс ею вверх-вниз, изображая акт мастурбации.

Толпа опять рассмеялась. Джага насупился.

— Пойдём с нами посидим, — пригласил его Медведь. — Косматыч у бати крынку браги увёл.

Он демонстративно поднял вверх глиняный сосуд и покрутил его в руке, так что жидкость внутри завилась в водоворот с приятным слуху звуком.

У Липпа тут же пересохло во рту, но он опять сдержал себя.

— Не могу. Устал так, что еле на ногах стою.

— Да ладно тебе, — не унимался Медведь. — Я же тебя не работать зову. Садись. Отметим мой отъезд. А то когда мы с тобой ещё свидимся? У орбитальщиков побывка всего-то раз в год.

С месяц назад Медведь, несмотря на уговоры своих друзей и родных, подал заявку на приём на службу в ВОЗ — Войска Орбитальной Защиты Гайфы. На днях он получил от Наместника письмо с положительным ответом и теперь, уже через одиннадцать дней, за ним должен был прилететь служебный транспорт, чтобы отвезти его в учебку на одном из орбитальных военных кораблей князя. Сам Липп никогда бы не променял просторы родных полей и свежий воздух на замкнутые коридоры огромного космического джаггернаута с его спёртым, рециркулируемым воздухом. Однако он отлично понимал своего друга. Работа в поле была не для него.

С самого детства Медведь интересовался только военными кораблями и историями про космические сражения прошлого. Даже когда они выбирали, в какие игры им поиграть, он всегда предлагал войнушку. И, учитывая, что Медведь всегда был самым здоровым из них, особого выбора у остальных не было. Заброшенный сарай на окраине деревни был их джаггернаутом, а сами они — космическими десантниками, сброшенными на неизвестную планету. На благо Медведа, на Гайфе не было никаких сражений вот уже около сотни лет, и солдаты ВОЗа в основном только занимались муштрой и страдали от безделья.

Учитывая, что теперь они и правда будут видаться только раз в год, Липпу очень не хотелось отказывать Медведю, но оставаться у костра тоже было нельзя. Сначала все увидят мокрое пятно на его штанах, а потом кто-нибудь обязательно заглянет в телегу и обнаружит там убитого джембэка. Этого допустить никак нельзя.

— Я тогда прям тут и усну, — опять отмахнулся Липп. — Да и у меня от космачевской браги потом голова болит.

— У всех от космачевской браги голова болит, — улыбнулся Медведь. — В этом весь смысл. К тому же завтра Лобный День. Рано вставать не надо. Можно и поболеть.

— Вот на Лобный День и выпьем. А сейчас я и правда ухайдокался.

— Ну смотри, — обиженно скривился Медведь. — Завтра браги уже может и не быть.

Липп мимолётно скосился на мёртвого джембэка под брезентом и, махнув рукой, сказал:

— К чёрту вашу брагу. Я завтра медовухи у Трутневихи куплю. Будет моим тебе подарком на отбывку.

Все аж ахнули.

— Брешешь, — отозвался Джага. — Трутневиха за бутылку своей медовухи пол-рупия берёт. Где ты столько монеты возьмёшь?

— Где возьму — уже моя проблема. Все утомили вы меня. Давайте до завтра.

Он слегка хлестнул вожжами, давая команду быкам двигаться дальше, как вдруг из сидящей вокруг костра толпы выскочила Линка и подбежала к нему.

— погоди, Липп, — сказала девушка. — Довези меня до дома. А то я что-то тоже приотомилась.

— Ну садись, — пожал плечами Липп.

Линка уселась на деревянное сиденье телеги рядом с ним. Поначалу Липп боялся, что она унюхает запах мочи от его штанов или запах крови от джембэка, но, на его благо, «ароматы» от его насквозь пропотевшей рубахи и взмыленных быков надёжно маскировали все остальное.

— А где твой этот... андрокрид? — спросила она, осматриваясь по сторонам. — Ты же его постоянно с собой в поле берёшь.

— Не андрокрид, а андрокрид, — поправил он её. — Вон он там, в телеге лежит. — Он кивнул на лежащего под брезентом Домо.

— Ох, боюсь я его, — пожаловалась девушка, прижимаясь поближе к нему и косясь назад. — Страшный он какой-то. Как живой, и в то же время совсем не живой. И бледный весь. Как упырец.

— Сама ты упырец, — заступился за Домо Липп. — Упырцы раньше людьми были. В них после смерти вселились злые духи, вот они и ожили. А он же робот. Машина.

— А духи в машины вселиться не могут?

Липп вспомнил свои собственные размышления на эту тему и уверенно помотал головой.

— Нет, конечно же.

— А почему? — словно любопытный ребёнок, Линка продолжила допытывать его вопросами.

Липп пожал плечами и, подумав, ответил:

— Наверное, потому что люди сделаны из плоти и крови, а машины — из металла, пластика и разных там колёсиков, которые приводят их в движение.

— А ты у Домо колёсики внутри видел? — не унималась она.

Липп вспомнил раскромсанную джембэком ногу и простреленную голову Домо. Не было там никаких колёсиков. Точно такая же плоть, как и у людей, — кости, мышцы, внутренние органы. Только у людей плоть была красной, а у андроидов бело-серой.

— Нет, не видел, — сердито ответил он. — И хватит меня уже расспросами своими донимать. Не видишь — устал я как собака.

Линка обиженно надула губки, но не успокоилась.

— Вечно ты на меня лаешься. Действительно как собака. Наверное, думаешь, что ты лучше всех остальных, раз у тебя в венах течёт кровь князя?

— Ничего такого я не думаю, — буркнул Липп и, вспомнив свою встречу с настоящим сыном князя, добавил: — И кровь у меня точно такая же, как у всех остальных — красная и горячая.

Девушка, приняв его ответ за своеобразные извинения, довольно улыбнулась. Немного помолчав, она всё же не выдержала и опять возобновила расспросы.

— Ведь это неправда, что ты Джаге сегодня сказал? — девушка покраснела. — Ну... что ты девок в Юшке... того... сношал?

Липп вымученно хмыкнул.

— Нет, конечно же. Я в поле пашу целый день. Когда мне время в Юшку наведываться?

Явно довольная ответом, Линка опять улыбнулась. В этот момент телега поравнялась с её домом. Девушка, не говоря ни слова, быстро чмокнула его в щёку и, прежде чем он успел что-либо ответить, прыгнула с телеги и скрылась у себя во дворе.

Липп тронул щёку, где её коснулись губы девушки. Всё-таки Линка была хорошей девочкой. Красивая, да ещё и с приличным приданым. И влюблена в него была ещё с детства. Правда, болтала без умолку, но разве это так уж плохо? Иногда, когда совсем уж скучно, даже хочется, чтобы кто-нибудь над ухом потрещал. Почему бы не сосватать её? Ему двадцать, ей шестнадцать. Обоим давно пора. Однако, сколько он ни силился, он так и не мог представить Линку своей женой. Слишком уж она была простой что ли. Не было в ней изящности, таинственности. Да и умом она не блистала.

Едя вверх по склону к своему дому, Липп поднял голову и посмотрел на замок князя. Словно огромный напёрсток, замок восседал на вершине большого холма, километрах в трёх от их деревни, освещённый бледным светом полной луны. Всего у князя было несколько сотен замков, разбросанных по всей планете. Главная его резиденция располагалась в столице Гайфы — Бранбурге, на другом конце континента, ближе к экватору. Их же замок служил князю нечто вроде охотничьего летнего домика. Он переезжал сюда вместе со всей семьёй почти каждое лето, когда в столице становилось слишком жарко.

Липп сплюнул со злости. Наверняка именно его проклятая княжеская кровь не давала ему полюбить Линку. Ну и что, что она была дурёхой без изящности и таинственности? На кой ему вообще эти изящность и таинственность сдались? Что он будет с ними делать в деревне? Коровам хвосты крутить? И если не Линка, то кто? Инопланетную принцессу тебе подавай?

Разозлившись на самого себя, он до боли сжал кожаные вожжи и твёрдо пообещал себе, что завтра же попросит Линку стать его женой.

Доехав до своего дома, он открыл ворота и завёл телегу внутрь.

— Эй, Домо, — шепнул он андроиду. — Давай просыпайся. Приехали.

— Просыпайся-приехали, — андроид выпалил скороговоркой.

У Липпа аж сердце сжалось в груди.

— Ты чего, опять поломался?

— Нет. Просто практикуюсь. Помни, что кроме тебя никто не должен знать о моей исправности.

— Да помню я, — прошептал Липп, махая на него рукой. — Пошли.

Спрыгнув с телеги, он отстегнул быков и отвёл их в стойло, где им уже были заготовлены накошенная трава и вода. Прежде чем войти в дом, он стянул с головы ненавистный койф, подошёл к большой бочке, куда собиралась дождевая вода с крыши, и, раздевшись до пояса, начал умываться холодной водой. Таким образом он убил сразу двух зайцев — смыл с себя грязь и пот, и заодно теперь не надо было объяснять мокрое пятно на штанах. Умывшись и обмыв тело, он скинул тяжёлые ботинки, размотал портянки, закатал штанины и вымыл запревшие ноги, поливая на них из ковша. Закончив свой примитивный туалет, он вытерся полотенцем, которое висело на гвозде, вбитом в стену дома, надел тапки, сплетённые из обрезков коры, и позвал Домо. Вместе с андроидом они взяли мёртвого джембэка за ноги и поволокли его в дом.

Его отец Гал, как обычно, сидел около старого радиоприёмника и пил чай, слушая новости о том, кто сколько собрал урожая на другом конце материка. Информация эта была абсолютно бесполезной, но так как на Гайфе была только одна радиостанция, то и выбора у него особо не было.

— Здорово, батя, — поприветствовал его Липп, заходя в дом. — Смотри, что мы добыли.

Гал повернулся и посмотрел на джембэка, которого приволокли Липп с Домо.

— И где это ты его достал? — спросил он, недоверчиво прищулив глаз. — Надеюсь, не в княжеском лесу?

— Именно там, — ухмыльнулся Липп. — Только я его не убивал. Его княжич с друзьями убили на охоте, а забирать с собой поленились. Вот я и решил забрать его себе. Чего добру пропадать?

Гал задумчиво почесал бороду.

— И то верно, — наконец сказал он. — Тебя никто с ним не видел?

— Нет, конечно же. Я же не дурак.

— А это тебе кто поставил? — он указал скрученным от мозолей и раннего артрита пальцем на синяк у него на щеке.

— Сынок князя, — признался Липп.

Гал недовольно хмыкнул.

— Неужели не узнал в тебе родства?

— Наоборот, — ответил Липп сквозь зубы. — Признал. От того и побил.

— Высокорождённых хлебом не корми, дай только поиздеваться над маленьким человеком, — Гал покачал головой. — Ладно, за такую добычу можно и пару тумачков получить. Ты, кстати, чего его сюда приволок? — он кивнул на тушу джембэка. — Почему не в сарай?

— В сарае темно, — аргументировал Липп. — А если во дворе костёр разжечь, то соседи могут увидеть.

— Молодец. Соображаешь, — похвалил его отец. — Давай, стели брезент. Будем у печи разделывать.

Сбегав за брезентом, Липп расстелил его на полу. Они перенесли на него тушу джембэка и начали его разделывать. Сначала Липп осторожно вырезал у него из спины все кристаллические иглы вместе с корнями. Затем они вдвоём начали снимать с него шкуру.

Во время работы, сам не зная почему, Липп вдруг сказал:

— Бать... Я... — он замялся. — Я на Линке подумываю жениться.

— Линка бабёнка хорошая, — не поднимая головы одобрил Гал. — Почему бы и не жениться? Как соберёшься — дай знать. Я сватов соберу.

На этом разговор закончился, и они продолжили разделывать тушу молча. У Липпа всё поникло внутри. Вроде бы ответ был именно такой, какой и должен быть, но не было в нём той ожидаемой отеческой теплоты. Не было эмоций. Будто он сказал ему, что это сосед жениться собирается, а не его сын. Гал так никогда и не смог до конца признать его своим ребёнком.

Тень генов старого князя всегда стояла между ними. Он никогда не был жесток к Липпу, но и истинно отцовских чувств тоже никогда не проявлял. Мать Липпа — Ида служила своеобразным клеем, который держал их семью вместе. Она без ума любила Липпа и Гала, и её любви хватало на них обоих. После того как она умерла несколько лет назад, эмоциональный разлом между ними только усилился.

Они закончили разделывать тушу, засолили мясо и шкуру только к середине ночи. У Липпа, ещё не имевшего таких толстых «перчаток» из мозолей, как у его отца, руки ныли от соли. Благо завтра был Лобный День и им не нужно было вставать ни свет ни заря.

Глава 3

Как и обещал, на следующий день, к всеобщему ликованию, Липп выменял два кристаллических шипа джембэка на две бутылки медовухи у Трутневихи. Молодёжь всей толпой пошла отмечать Лобный День на речку. Как это всегда бывает, медовуха быстро закончилась. Все всполошились и всеобщим решением послали Джагу обратно в деревню купить добавки у жены кузнеца. Денег у них, конечно же, хватило только на отвратную брагу, и Липп с сожалением понял, что похмелья ему не избежать.

После того как все выпили и поели принесённой с собой еды, часть из них пошла купаться, а часть пустилась в пляс у костра под музыку балалайки Мота. Липп тоже сначала искупался, чтобы немного сбить хмель, потом, взяв Линку за руку, влился в танцевальный хоровод. Они провели вместе весь вечер, но он так и не спросил, пойдёт ли она за него. Не спросил он и на следующий день. И через неделю, и через месяц, и даже через три. Ближе всего он подошёл к тому, чтобы задать заветный вопрос в ночь перед отъездом Медведя. Тогда все очень сильно напились, и Липп уже было пошёл к Линке, как, на его несчастье — ну или счастье, в зависимости от того, с какой точки зрения на это посмотреть, — его живот скрутило от перебродившей браги, и он побежал в кусты.

После отъезда Медведя на душе у Липпа стало тяжелее, чем обычно. Конечно же, ещё оставался Мот, но они с Медведем всегда были более близкими друзьями. Одной отдушиной был Домо. Каждый день, как только им удавалось оказаться наедине в поле за работой, Липп заслушивался его рассказами о временах техномагов. Как оказалось, полное имя Домо было Модель Мажордомо XVL47. Мажордомо было даже не имя, а должность и означало нечто вроде старшего дворецкого. Построили его около тысячи двухсот лет назад. Хотя слово «построили» тут, наверное, совсем не подходило. Несмотря на то что андроиды были машинами, в отличие от других механизмов их не строили, а выращивали в специальных биоинкубаторах. После своего «вылупления» из инкубатора его отдали на службу одному из семи королей, что правили Исследованным Космосом до Великого Упадка. Домо назвал ему имя этой династии, но Липп быстро его забыл. Ему вообще тяжело давались инопланетные имена. Андроид прослужил королевской семье чуть более сотни лет вплоть до начала Войны Семи Королевств, когда семь династий схлестнулись друг с другом за право единолично править всем Исследованным Космосом. Дальнейшую историю знали все в Империуме, даже такие крепостные как Липп. Война принесла огромные разрушения по всему Исследованному Космосу. Погибли миллиарды людей. Впервые было создано и применено оружие, способное выжигать атмосферу целых планет, — Уничтожители Миров.

Видя, к чему привело созданное ими оружие, гильдии техномагов из всех семи королевств отказались служить своим королям и объединились в одну гильдию. Вместе они уничтожили все запасы Уничтожителей Миров, а также все заводы, способные их производить. Оставшиеся на тот момент три из семи королевских династий объявили техномагов предателями и открыли на них охоту. Также ещё оставалась небольшая часть техномагов, сохранивших верность своим королям и продолжавших разрабатывать новое оружие. Они создали новый вид антроидов, названных Охотниками, способных отслеживать и уничтожать техномагов-ренегатов. История всего Империума резко переменилась, когда одному из техномагов-ренегатов удалось найти способ перепрограммировать Охотников и направить их против их же собственных создателей — техномагов-лоялистов. В результате все техномаги-лоялисты были уничтожены, а выжившие ренегаты сначала сожгли все свои научные труды во всех библиотеках Империума, затем уничтожили все свои лаборатории и заводы, погрузились на корабли и исчезли в неизвестном направлении.

Так началась эра Великого Упадка. Без техномагов никто больше не мог создать нового оружия, построить новых космических кораблей или вырастить новых андроидов. Также никто не мог ничего починить, если ломался любой механизм сложнее заводных часов. К всеобщему счастью, после исхода техномагов, остались тысячи, если не миллионы, сотворённых ими космических кораблей, андроидов и прочих изобретений. Почти каждое из творений техномагов использовало уникальный, практически неисчерпаемый источник энергии, было способно к самопочинке и без намеренного уничтожения могло функционировать тысячи лет.

Всё ещё имея огромные запасы оружия, оставшиеся три королевства продолжили свою битву. В итоге, потеряв четверть всех имеющихся в галактике звёздных кораблей, после двадцати лет сражений победителем вышла одна династия, чей патриарх-король объявил себя императором и объединил семь королевств — точнее то, что от них осталось, — в единый Империум.

Первый император Александр III, всё ещё озлобленный на предавших его техномагов, запретил изучение техномагии по всему Империуму под страхом смерти и приказал уничтожить все их чудом уцелевшие труды и рукописи. Только его сын Александр IV, ставший вторым императором после смерти отца, сумел понять, какую большую ошибку сотворил его идиот папаша. Время от времени кто-то из дворянства, особенно семьи, находившиеся под покровительством одного из семи павших королевств, объединялись между собой и заявляли о выходе из Империума. Начинаясь очередная война, в которой уничтожались космические корабли и оружие. Все запасы находившихся на дистанционном управлении кораблей-дронов были полностью уничтожены уже после второй такой заварушки. Боевых андроидов осталось всего около трёх сотен во всём Империуме. Цены на космические корабли повышались чуть ли не вдвое после каждого уничтоженного боевого корабля. Каждый новый военный конфликт истощал невозполнимые запасы технологий. Спихватившись, Александр IV открыл новые академии, где изучались науки техномагов, но было уже поздно. Настоящая техномагия была потеряна навсегда. Спустя тысячу лет всего чего достигли современные «техномаги», или как их теперь называли — технофокусники, были ламповые радиоприёмники, электрические лампы да паровые машины.

Как оказалось, сам Домо благополучно пропустил и Великий Исход и рождение Империума. В начале Войны Семи Королевств, когда битва уже почти вплотную приблизилась к планете-столице королевской династии, которой служил Домо, король отправил свою семью в убежище на самой далёкой планете своего королевства. Домо, как мажордомо и воспитатель королевских отпрысков, отправился вместе с ними. Однако про их корабль узнали враги, и они были захвачены в середине пути. Сначала королевскую семью хотели использовать в качестве заложников и требовать капитуляции, но к тому времени планета-столица была поражена ударами Уничтожителей Миров, и их просто казнили. После этого Домо поместили в криокапсулу и отправили в качестве подарка королю, выигравшему эту битву. Однако и на этот раз ему было не суждено достигнуть цели своего пути. Король-победитель сам погиб от рук андроида-ассасина третьей стороны, его армия была разбита. Тогда капитан корабля, на котором находился спящий Домо, решил дезертировать и укрыться на практически необжитой тогда Гайфе. Некоторые из офицеров и солдат, находившихся на корабле, оказались несогласными с решением капитана. Завязалось сражение, в результате которого их корабль разбился на луне Гайфы. Домо пролежал в крио-сне следующие восемьсот лет, пока не был случайно обнаружен скаутским кораблём ВОЗа тогдашнего князя из клана Бранимиров — пра-пра-, и ещё непонятно сколько пра-, дедушки Липпа. Таким образом Домо стал новым мажордомо многих поколений семейства Бранимиров, пока однажды не словил пулю в голову от пьяного князя, которого он собственноручно вырастил с пелёнок, и впоследствии был подарен семейству Чёрных в качестве подарка первой ночи.

Глава 4

Липп слушал рассказы Домо с открытым ртом и частенько даже забывал погонять быков, пока они ехали домой с поля.

— Погоди, — сказал Липп, выслушав очередной рассказ Домо, — то есть ты хочешь сказать, что все люди зародились на одной планете и уже потом расселились по всему Исследованному Космосу?

Сидевший рядом Домо утвердительно кивнул своей кубической головой.

— С Земли. Она же Терра. Она же Гайя. Она же Земля-1.

Липпа очень удивило подобное название для планеты — да ещё и прародительницы всего человечества, — так как слова «земля» и «грязь» обозначаются одним словом на гайфорианском диалекте Имперского языка.

— Но ведь этого просто не может быть! — не поверил Липп. — Ладно, большинство людей Империи похожи друг на друга, но ведь если взять, например, солереанцев — у них же кожа синяя, глаза красные, а волосы белые как снег! У тихонцев так и вовсе жабры на шее, так что они под водой дышать могут. А на Плаумисе ни мужиков, ни баб нет. Точнее только бабы и есть, только у них вместо вагин уды мужские, и они друг от друга рожать могут.

— Видишь ли, — Домо задумчиво постучал пальцем по своему подбородку, подбирая слова, которые были бы понятны Липпу. — Когда люди впервые начали колонизировать другие планеты, сорок пять тысяч лет назад, их технологии были довольно примитивны.

Это заявление показалось Липпу весьма странным. Он то всегда думал, что чем дальше углубляешься в прошлое человечества, тем более развитыми должны были быть их технологии. Однако он не стал перебивать Домо и продолжил слушать.

Андроид продолжил:

— Перелёты даже до ближайших солнечных систем могли занимать сотни лет, так что все подобные путешествия всегда были только в один конец. Когда колонисты наконец достигали своей точки назначения, им было куда легче адаптировать биологию человека под условия новой планеты, чем адаптировать целую планету под условия, удобные для людей. В результате первые колонисты подвергались значительным генетическим модификациям. Отсюда и их разительные отличия от большинства людей. Родианцы, из-за того что были приспособлены к повышенной гравитации Родии-7, стали намного ниже ростом, шире в плечах и мускулистее. Тихонцы развили жабры потому что девяносто девять процентов их планеты покрывала вода, которая также подтопляла оставшийся один процент время от времени. Синий пигмент солереанцев защищает их от повышенной радиации их солнца. Ну и так далее. Думаю, ты понял общую концепцию?

Липп утвердительно кивнул. Домо продолжил:

— Примерно через тысячу лет после первой волны колонизации, когда развитие науки на Земле позволило находить в бескрайних просторах космоса более землеподобные планеты, а также научились терраформировать...

— Терра... чего? — спросил Липп.

— Терраформировать. Значит переделывать условия планеты под себя. Делать их более пригодными для жизни, — объяснил Домо. — Например, когда люди впервые обнаружили Гайфу семь тысяч лет назад, тут не было ничего кроме бескрайней выжженной пустыни и безжизненных ядовитых океанов. Атмосфера, кстати, тоже была крайне токсична. Несколько вдохов было достаточно, чтобы убить человека. Техномагам прошлого понадобилась целая тысяча лет, чтобы изменить состав атмосферы, очистить воду, сделать почву плодородной, засадить её растительностью и заселить животными.

У Липпа опять возникли трудности с тем, чтобы представить его родную планету бескрайней пустыней с ядовитым воздухом. Пусть он никогда и не бывал на других планетах, но Гайфа всегда олицетворялась у него только с бескрайними зелёными лесами, полями, кристально чистыми реками и озёрами. В общем — с самой природой и самой жизнью.

— Так вот, — продолжил Домо, — вернёмся к тому, на чём я остановился. Спустя тысячу лет после первой волны колонизации двинулась вторая. Тут нужно упомянуть, что в те годы межпланетарная связь через пространственно-временные фолды ещё не была открыта, поэтому у землян и первых колонистов не было никакой возможности связаться друг с другом. — В какой-то момент колесо их телеги наехало на кочку, отчего они оба подпрыгнули на переднем сиденье. Однако это ни на секунду не прервало повествование андроида. — Все заселённые планеты находились в полной изоляции не только от Земли, но и друг от друга. В итоге у каждой из этих планет за столько лет полностью изменились не только внешность жителей, но и язык, культура, религия и прочее. Спустя ещё тысячу лет, когда колонисты второй волны уже освоили свои новые планеты, имея более быстрые корабли, они направились исследовать космос. И когда они наткнулись на обитателей планет первой волны с их всевозможными генетическими модификациями, другим языком и культурой, они, конечно же, приняли их за настоящих экстратеррестриалов.

— Неужели так никто и не узнал правды? — удивился Липп.

— Простой генетический тест и лингвистический анализ языка раскрыли все карты в первые дни первого контакта.

— Тогда почему мы про это до сих пор не знаем?

Домо пожал плечами.

— Скорее всего, все просто забыли. В те времена предпочитали хранить информацию на виртуальных носителях, а не в бумажных книгах. Когда техномаги покинули Империум, некому было ухаживать за центральными ядрами информационной паутины, и те просто пришли в негодность. Более девяноста процентов всей накопленной человечеством информации было утеряно.

— А как же сами первые колонисты? Они-то должны были знать, что их предки тоже прибыли с Земли.

— К тому моменту подавляющее большинство миров первых колонистов сильно одичало. Как я уже упоминал, их технологии были намного более примитивными. Когда они прибыли на свои новые планеты, всё их оборудование сломалось уже в первые столетия после колонизации. А общество ещё не успело разрастись настолько, чтобы воспроизвести весь охват земных наук. К моменту, когда их нашли колонисты второй волны, колонисты первой волны уже деградировали до общинно-родового строя, и их истинное происхождение было полностью забыто. Хотя у некоторых племён и сохранились легенды о том, что они были потомками богов, сошедших в мир смертных с небес. Именно поэтому, когда колонисты второй волны решили их захватить, многие одичавшие даже не сопротивлялись, приняв своих захватчиков за вернувшихся богов.

Липп почесал вспотевшую голову под койфом.

— Неужели во всей галактике нет настоящих инопланетян? Я имею в виду тех, что не зародились на этой... Земле?

— Космоархеологам доводилось находить следы присутствия некой древней экстратеррестриальной цивилизации на разных планетах. Хотя на самом деле это могли быть разные цивилизации — их окрестили общим термином «Визитёры». Возраст находок варьируется от одного до десяти миллионов лет до первой колонизации Земли. Так что, наверное, можно с полной уверенностью заявить, что все Визитёры либо вымерли, либо улетели куда-то очень далеко. Есть ещё вопросы?

Вопросы роились в голове Липпа как рой потревоженных пчёл. Было очень трудно выбрать какой-то конкретный. Немного поразмыслив, он наконец выбрал один:

— Ну хорошо. С родианцами, солереанцами, тихонцами и прочими всё понятно. Но вот почему на Плаумисе бабы с мужскими удами? К чему они там адаптировались?

Домо слегка потряс головой, что было его эквивалентом усмешки.

— Жители Плаумиса, в отличие от других околочелюских рас, на самом деле являются колонистами третьей волны, а не первой. То есть прилетели они на Плаумис не с Земли, а с разных колоний. Где-то на трёхсотый год после формирования тогдашнего первого интрапланетарного союза на многих развитых планетах зародилась квазирелигиозная секта, состоящая из радикальных...

Домо не успел закончить свой рассказ, а Липп не успел спросить, кто такие радикалы. Они оба задрали головы вверх, заметив в небе необычное зрелище. Был вечер. На небе стали зажигаться первые звёзды, но вместе с ними также появились и странные вспышки, похожие на ярмарочные фейерверки. Только эти фейерверки, похоже, запускали прямо в космосе.

— Что это? — спросил Липп, тыкая пальцем в небо.

— Сражение на орбите, — ответил Домо спокойным голосом. — Твой двоюродный дядя Князь Витор Лютомир привёл свои войска, чтобы отобрать Гайфу у твоего биологического отца. И сделал он это намного раньше, чем я ожидал.

У Липпа всё похолодело внутри. Война! Впервые за многие сотни лет! И ведь Медведь сейчас находится прямо посреди всего этого пекла!

— Погоди, — вдруг осенило Липпа. — А откуда ты это всё знаешь?

— Потому что я сам передал твоему дяде все коды доступа и сведения о слабостях в планетарной защите Гайфы, — невозмутимо ответил Домо.

Удивлению Липпа не было предела.

— Что? Но зачем?! — пролепетал он, уставившись на своего друга полными изумления глазами.

— Сейчас нет времени на объяснения. Нужно спешить, — твёрдо ответил андроид, не поворачиваясь.

Телега, на которой они ехали, была уставлена плетёными корзинами, до краёв заполненными свежесобранными личинками жуаранона. Домо перебрался назад и начал бесцеремонно сбрасывать все корзины прямо на дорогу. Липп смотрел на всё это как будто это происходило во сне. Корзины с треском разбивались об накатанную землю. Драгоценные личинки, на выращивание которых он потратил три месяца непосильного труда, извивались, выползали наружу и расползались в разных направлениях. При этом Липп даже не дёрнулся, чтобы остановить своего обезумевшего андроида. Шок сковал его тело не хуже железных цепей.

Выбросив весь лишний груз, Домо вернулся на переднее сиденье и начал что есть силы погонять быков хлыстом. Старая телега понеслась по дороге со скоростью, на которую она явно была не рассчитана, подпрыгивая на каждой кочке так, что Липпу только чудом удавалось удержаться на месте.

— Куда ты? Деревня в той стороне! — Липп показал пальцем, когда заметил, что Домо свернул на дорогу, ведущую к лесу князя.

— Нам не надо в деревню, — всё тем же спокойным и невозмутимым голосом ответил андроид.

— Но там же отец и Линка... И вообще все! — протестовал Липп.

— Не волнуйся за них, — успокоил его Домо. — Служба орбитальной защиты уже передала всю информацию местным властям всех окрестных деревень и городов. Началась массовая эвакуация.

— Откуда ты это всё знаешь?

Домо, не отрывая взгляда от дороги, постучал пальцем по своему виску.

— Я могу прослушивать их радиосигналы.

— Так куда мы едем?! — не выдержав, Липп сорвался на крик.

— Спокойствие, — опять успокоил его Домо. — Скоро ты всё сам увидишь.

Липп не знал, что ему делать. Неужели Домо и правда слетел с катушек? Может, пуля, пробившая ему голову, всё же повредила что-то в его мозгу? Хотя на сумасшедшего он явно не походил и вообще из них двоих был самым спокойным и уравновешенным. В конце концов Липп решил довериться своему старому другу.

Заехав на дорогу в лесу, по которой разрешалось ездить только семье князя и его охотничьей свите, Домо направил их телегу в сторону высокого холма, на котором стоял замок князя. Остановившись у основания холма, Домо спрыгнул с телеги и поманил Липпа за собой.

— Следуй за мной, — скомандовал он и, не дожидаясь ответа, бросился бежать в лес.

Не видя другой альтернативы, Липп бросился за ним. Колючие ветки нещадно хлестали его по лицу, ноги постоянно запинались об торчащие из земли корни, и он несколько раз чуть не потерял Домо из виду. Осыпая себя и своего андроида проклятиями, Липп продолжал следовать за его бледной спиной, мелькающей сквозь ветки. Сам андроид бежал через заросли с грацией лесного оленя, будто занимался этим днями напролёт.

Добежав до скального образования на берегу небольшой речки, Домо остановился. Хрипя от усталости, Липп тоже вывалился из кустов, чуть не упав лицом в речку.

— Всё! — тяжело дыша, Липп развёл руками. — Хватит с меня! Я не сделаю ни одного шага, пока ты мне всё не объяснишь!

— Дай мне твой нож, — сказал Домо, игнорируя его просьбу и протягивая руку.

Липп колебался, но потом всё-таки достал нож из-за пояса и протянул его андроиду. Домо взял нож и тут же воткнул его лезвие в свой правый бок!

— Ты чего творишь?! — вскрикнул Липп, с ужасом наблюдая, как андроид делает глубокий надрез.

Из раны засочилась густая белёсая кровь андроида. Отдав Липпу нож, Домо просунул руку в разрез, пошуровал там в поисках чего-то и наконец извлёк наружу пистолет!

— Рубашку, — опять скомандовал андроид, протягивая руку.

Смотря на оружие как замороженный, Липп молча снял рубашу и протянул её Домо. Андроид вытер пистолет от своей склизкой крови, и Липп увидел, что оружие явно было сделано техномагами. Так же как сам Домо, пистолет был сделан из гладкого молочно-белого материала, похожего на кость. Вся его поверхность также была покрыта искусной резьбой.

Вытерев пистолет насухо, Домо бесцеремонно выбросил рубашу Липпа в кусты и снова скомандовал:

— Идём.

Косясь на оружие в руках Домо, Липп робко последовал за ним.

Домо подошёл к скале и поднял вверх левую ладонь, будто в приветствии. Ладонь едва заметно завибрировала. Перебрав разные скорости вибрации, Домо остановился на нужной и приложил ладонь к скале. Гладкая каменная порода вобрала в себя вибрации. Раздался щелчок, и часть скалы отъехала в сторону, обнажая проход в скрытую пещеру.

— Мать моя женщина, — вырвалось у Липпа.

Держа пистолет наготове, Домо начал спускаться в пещеру по вырубленным в её полу ступенькам. Не дожидаясь особого приглашения, Липп последовал за ним. Как только оба они оказались внутри, скрытая дверь вернулась на место, закрывая выход. На миг настала абсолютная темнота. Сердце Липпа ёкнуло, но уже через секунду пещера зажглась слабым светом, исходящим от прозрачных кабелей, подвешенных под потолком и уходящих вниз по всей длине пещеры. Приглядевшись, Липп увидел, что это была вовсе не пещера, а вырубленный в скальной породе коридор. И светящиеся кабели были вовсе не кабелями, а нечто вроде техноорганических лиан, крепившихся к потолку мелкими корешками.

— Что это за место? — сам не зная почему, прошептал Липп, идя следом за Домо.

— Тайный ход на случай осады замка, — ответил андроид.

Липпа осенило.

— Это что получается, мы идём прямо в замок князя? Но зачем? Нас же там убьют!

— Не убьют, — заверил его Домо. — И мы идём не в замок.

— Тогда куда, мать его так, мы идём?! — начал терять терпение Липп.

Вместо ответа андроид приложил указательный палец к несуществующим губам.

— Постарайся не делать никаких громких звуков. Иначе нас и правда убьют.

Липп было открыл рот, но тут же закрыл его и продолжил молча следовать за андроидом.

Коридор вывел их в просторную пещеру, размером и формой похожую на ангар. Как и подобает ангару, в её центре стояла роскошная космическая яхта, какие Липпу доводилось видеть только на картинках. По форме она была выполнена в виде гигантской куколки жуаранона, стоящей на четырёх членистых лапках. Такой же сегментированный хвост, бочковидная головогрудь, ошестившаяся длинными шипами, которые на деле оказались полыми трубками с дырками на конце. На приплюснутой с боков голове даже была имитация всех шести глаз — двух больших фасетчатых по бокам и четырёх обычных спереди. Куклолка жуаранона была негласным символом Гайфы, изображённым даже на её флаге и фамильном гербе Бранимиров. Так что наверняка эта яхта была сделана на заказ для какого-то далёкого предка князя. Как и все творения техномагов, яхта была сделана из костеподобного материала и украшена барельефами по всей своей длине. Вот только по размерам яхта была уж слишком маленькой. В длину не более чем обоз из пяти телег. Учитывая, что основная масса корабля должна приходиться на двигатель, места в нём должно было быть всего человек на шесть. Да и то все они должны сидеть на сиденьях друг за другом.

«Скорее всего на корабле нет прокалывателя пространства, и он предназначался только для полётов на орбиту», — заключил Липп. Межпланетные перелёты обычно занимали недели, а то и месяцы. Вряд ли кто-нибудь выдержал бы столько времени в таком замкнутом пространстве.

Около корабля суеились люди. Домо жестом приказал Липпу спрятаться за широкую колонну, образовавшуюся от сросшихся вместе сталактита и сталагмита. Липп повиновался. На их благо в пещере царил полумрак, и яхта с людьми находилась на довольно приличном расстоянии от них. Осторожно выглянув из-за колонны, Липп присмотрелся. Сновавшие около корабля люди были одеты в военную униформу — солдаты князя. Всего их было около десяти. Каждый из них занимался тем, что загружал в корабль массивные ящики. Липп ещё успел удивиться — как они там все помещаются?

Процессом погрузки руководил не кто иной как сам Великий Князь Бор Бранимир III. Липпу довелось увидеть своего биологического отца вживую только дважды — один раз, когда ему было пять лет, и второй, когда ему было двенадцать. В обоих случаях он видел его только мельком, когда тот проезжал через их деревню на очередную охоту. Однако он без труда узнал его по многочисленным портретам, развешанным в их деревенской школе. Рядом с князем стояла его семья в полном составе. Их Липп тоже знал по школьным портретам. Жена — княгиня Хильда Бранимир, бывшая герцогиня Львова, и их отпрыски — старший сын Поль, с которым Липп уже имел несчастье познакомиться в лесу три месяца назад, и младшие шестнадцатилетние близнецы Ивар и Лиза. А также ещё один рослый молодой человек, которого Липп никогда и нигде не видел, но в котором явно угадывалось родство с бароном. Черты лица были похожи как на его собственные, так и на черты стоящего рядом Поля. Однако были искажены тенью слабоумия. Дорогое одеяние также выдавало в нём родственника князя. Высокий детина просто стоял на одном месте, слегка вращая туловищем, и улыбался блаженной улыбкой идиота. Липп тут же вспомнил слухи о том, что у князя на самом деле было четверо детей,

но один из них — видимо из-за того, что его жена также приходилась ему троюродной кузиной — родился слабоумным, поэтому князь его ото всех прятал. Неужели это и был он?

Рядом с семьёй барона стояла сухопарая пожилая женщина в длинном платье чёрного цвета и чепце — похоже, их гувернантка — и высокий мускулистый мужчина с седеющими бакенбардами, одетый в чёрную униформу с красной перевязью на груди. Хотя его портреты и не висели в деревенских школах, Липп без труда узнал в нём Корзара Баха — главу отдела безопасности князя и предводителя милицаев Гайфы, в обязанности которых входило подавлять вспыхивающие время от времени мятежи.

Когда погрузка была окончена, Бах выстроил всех солдат в ряд, коих оказалось вовсе не десять, как Липпу показалось вначале, а всего семь. Липп не мог расслышать с такого расстояния, что именно Корзар им говорил, но догадался, что наверное раздавал инструкции по обороне замка.

В его голове начала складываться общая картина. Видимо войскам Лютомира всё же удалось пробиться через орбитальную защиту, и теперь князю и его семье не оставалось ничего другого как бежать, оставив Гайфу на произвол захватчиков.

Закончив свою речь, Корзар отдал солдатам честь, прижав сжатый кулак к груди. Солдаты ответили, встав на одно колено, склонив головы и также прижав кулаки к грудям. В этот момент Домо вышел из-за колонны, вскинул пистолет и нажал на курок. Всё произошло так внезапно, что Липп даже не успел ни удивиться, ни испугаться. Пуля ударила ничего не подозревающего Корзара прямо в лоб. Тот удивлённо моргнул один раз. Из дырки на его лбу вылилась струйка крови, и он повалился на бок. Выстрел был почти беззвучным — еле слышимый пшик, — так что солдаты, а также стоявшие рядом с Корзаром князь и его семья не сразу поняли, что произошло. Воспользовавшись этой заминкой, Домо уверенно зашагал вперёд, одновременно продолжая стрельбу по солдатам, словно неумолимая машина смерти. Рука андроида двигалась с нечеловеческой скоростью. Пули всегда попадали в намеченную цель. Миг — и все семеро солдат распластались на каменном полу. У каждого дырка аккурат посередине лба. Князь, его жена, дети и гувернантка тут же бросились врассыпную.

Ошарашенный Липп понимал, что на его глазах происходит нечто немыслимо, невообразимо ужасное. Понимал, что он должен сделать что-то, чтобы остановить эту резню. Но он даже не мог открыть рот от сковавшего его шока.

Первым упал сам князь. Пуля ударила ему в спину и вылетела насквозь, прямо через его сердце. Далее последовали его жена, гувернантка и близнецы. Поль успел юркнуть за хвостовую часть яхты. Слабоумный детина запнулся, упал лицом вниз, разбив себе нос о каменный пол, заплакал как ребёнок и, развернувшись на спину, выставил вперёд руку в защитном жесте.

Видя, как андроид хладнокровно направляет на слабоумного княжича дуло пистолета, Липп наконец вышел из ступора и со всех ног бросился на Домо. Но было уже поздно. Пуля из похожего на эмаль материала пробила его череп, расплескав мозги по полу.

Липп остановился, стянул с головы койф и запустил руки в мокрые от пота волосы. Страх почему-то исчез, в то время как негодование только усилилось.

— Зачем?! — крикнул он. — Зачем ты это сделал?!

— Так было нужно, — терпеливым голосом ответил Домо, поднимая дуло пистолета вверх. — Ещё немного, и я всё объясню.

Липп переводил взгляд с одного трупа на другой. Его биологический отец лежал всего в метре от него. Впервые в жизни он видел его так близко, пусть уже и не живого. Абсолютно ничем не выделяющийся грузный мужчина лет пятидесяти. Сколько же раз Липп представлял себе их первую настоящую встречу. Представлял, что расскажет ему, о чём будет спрашивать. Теперь же обо всём этом можно было забыть. Кроме досады за недосказанность, он совершенно не чувствовал жалости от смерти своего биологического отца, однако стоило его взгляду пройти по остальным телам — особенно по его полусестре и слабоумному полубрату — как его сердце тут же сжалось от жалости и ненависти к Дому. Чего такого сделали Домо эти дети и этот бедолага? Зачем было их убивать?!

Его мысли прервал выстрел. Громкий. Эхом прокатившийся по всей пещере и больно ударивший в барабанные перепонки. Пуля ударила Домо в левое плечо. Андроид развернуло на девяносто градусов, однако он тут же выпустил ответный выстрел, но впервые промахнулся. Костяная пуля ударила о бронированный корпус корабля, разлетевшись в мелкую крошку.

Липп бросился навзничь и закрыл голову руками, будто это могло спасти его от пули.

— Я помню тебя, пёс! — раздался голос Поля из-за хвоста корабля. — Ты тот отцовский ублюдок, которого я пощадил тогда в лесу! Решил отомстить и натравил на нас своего андроида?!

Липп хотел крикнуть, что он тут совсем ни при чём, что это всё Домо, но внезапно возникшая паническая атака сдавила его горло, так что он мог только тяжело дышать.

— Или ты работаешь на моего ублюдочного дядю Лютомира? — продолжил Польш. — Вот ведь хитрый старый чёрт!

— Ты прав, — ответил за Липпа андроид, не спуская дула с хвоста звездолёта, за которым прятался Польш. — Твой полубрат действительно является агентом разведки твоего дяди.

Липп даже забыл о панической атаке от шока. Чего Домо несёт? Какой, к чертям, из него агент разведки?!

— Я так и знал, — с удовлетворением в голосе произнёс Польш. — Надо было вас ещё тогда в лесу пристрелить как собак! Если бы только не проклятый Хальфсен и Зара с их треклятым милосердием!

— Не стоит сожалеть о прошлом, княжич, — ответил Домо. — Или мне стоит величать тебя великим князем, раз твой отец мёртв?

Польш ничего не ответил, только злобно проскрежетал зубами.

— Твой дядя предлагает тебе сделку, — продолжил Домо. — Сдайся на правах военнопленного, затем присягни на верность Лютомиру, и тогда он обещает тебе не только сохранить жизнь, но и позицию архинаместника Гайфы. Без права продолжения рода, конечно же.

— Гайфа моя! — выкрикнул Польш.

— Уже нет. Твои орбитальные войска разбиты. Замок вот-вот будет захвачен. У тебя остаётся только два выбора — либо сдаться на милость твоего дяди, либо умереть.

Последовало короткое молчание, затем Польш произнёс:

— С чего мне тебе верить? Ты уже убил всю мою семью. Что тебе мешает убить меня?

— Вот именно. Если бы я хотел тебя убить, ты бы уже был мёртв. Какие ещё доказательства тебе нужны?

Опять последовала короткая пауза, прежде чем Поль ответил:

— И дядя Витор правда гарантирует мне жизнь и позицию архинаместника?

— Он даёт своё слово дворянина, — заверил его Домо и тут же напомнил: — Но помни — без права продолжения рода.

Поль вжался всем телом в холодный корпус хвоста яхты, будто это могло помочь ему оказаться внутри. Как назло, вход находился с другой стороны. Эх, если бы ему хватило ума юркнуть внутрь корабля, вместо того чтобы забежать за хвостовую часть, он уже был бы далеко отсюда. Долетел бы до Голденкора, потребовал аудиенции у императора и права на дуэль с Витором, и тогда Гайфа наверняка осталась бы за ним. Теперь, если он сдастся в плен, его дядя заставит его подписать документ о сдаче Гайфы, и тогда он потеряет все права дворянина, а вместе с этим и право на дуэль за Гайфу. Вдобавок придётся пройти процесс стерилизации и навсегда потерять возможность иметь детей. Но теперь единственной альтернативой была только смерть. Андроид-ассасин обладал невероятной меткостью и мог регенерировать. Его шансы против него были один на миллион. Нет, нужно было выжить. Выжить, чтобы вернуть Гайфу. В его голове начал созревать план. Не зря он изучал юриспруденцию Империума в лучшем университете Голденкора. Мало кто знал, но у Поля был свой незаконнорождённый ублюдок в одном из портов Родгена. Пусть его стерилизуют. Он всегда может по-тихому, задним числом, взять в жёны дочь какого-нибудь мелкого помещика и заставить её сказать, что ребёнок вышел из неё. В случае возникших вопросов любой генетический тест покажет его родство с ним. От жены, конечно же, придётся избавиться. Инсценировать несчастный случай и по-быстрому кремировать. Чтобы не осталось генетического материала для сравнения её родства. После этого останется только подобрать удачный момент и убить своего дорогого дядюшку Витора и всю его семью, как он убил его семью. Дворянства ему это, конечно же, не вернёт. Увы, но титул будет потерян навсегда. Зато он сможет объявить своего сына наследником и править от его имени. Родился ублюдок уже после того, как его отец подписал отказ от дворянства, а значит, формально, всё ещё является дворянином и единственным наследником Гайфы.

Улыбнувшись собственному хитроумному плану, он крикнул андроиду:

— Хорошо! Я согласен! Официально сдаюсь на правах военнопленного дворянина.

Положив пистолет на пол, он пнул его в сторону андроида и вышел с поднятыми вверх руками. Стоило ему полностью выйти из укрытия, как Домо тут же вскинул руку с пистолетом и выстрелил. Пуля ударила нового князя Гайфы в шею. Кровь хлынула потоком. Поль тщетно попытался зажать рану руками. Глаза выкатились наружу от шока и удивления. Всё ещё скользя руками по скользкой от крови шее, он упал на колени и тут же завалился набок.

— Ты..., — только и успел прохрипеть он, захлёбываясь в собственной крови.

— Я солгал, — закончил за него Домо. — Ни я, ни Липп не работаем на твоего дядю.

Липп поднялся на ноги и подошёл к своему умирающему полубрату. Глаза Поля остекленели. Его грудь вздыбилась ещё пару раз, тщетно пытаясь загнать воздух в заполненные кровью лёгкие, и остановилась навсегда.

На этот раз смерть очередного «родственника» не вызвала у него никакого сострадания. Наоборот, лицезрение смерти своего обидчика принесло Липпу чувство глубокого удовлетворения, перебившее даже его страхи. В памяти тут же всплыло, как Поль издевался над ним тогда в лесу. Как он сделал так, чтобы Липп обмочил штаны от страха. Унизил его. Заставил почувствовать себя жалким, ничтожным и трусливым. Ему захотелось плюнуть в лицо мертвеца. Пнуть его бездыханное тело. Но он сдержал свой порыв.

Тем временем Домо подошёл к телу старого князя, снял с его шеи круглый медальон с большим рубином посередине и повесил его себе на шею. Благо золотая цепь, на которой он висел, была достаточно длинной, чтобы через неё прошла его массивная квадратная голова.

— Я так и не понял, — начал Липп каким-то отрешённым голосом. — Так ты работаешь на этого дядю Витора или нет?

— Я же сказал — нет, — ответил Домо.

— Тогда зачем ты передал ему коды безопасности?

— Потому что я знал, что если замок падёт, у князя не останется другого выхода, как только взять всю свою семью и бежать. А значит, после начала атаки все они соберутся тут, где я смогу устроить на них засаду.

— Но если ты не работаешь на захватчиков Гайфы, зачем тебе вообще понадобилось убивать весь род князя? — спросил Липп.

— Я думаю, будет лучше, если я расскажу всё по порядку, — ответил андроид. — Но сначала давай поскорее уберёмся отсюда. Войска Лютомира могут ворваться сюда в любую минуту. Помоги мне вот с этим.

Домо подошёл к телу слабоумного полубрата Липпа и взял его за руки. Липп тоже подошёл и брезгливо взял его за ноги. Трогать мертвеца было очень неприятно, но он не осмелился перечить своему андроиду. Хотя теперь было и непонятно, является ли Домо всё ещё его андроидом или же сам Липп перешёл в его собственность.

Вместе они потащили мёртвого княжича к открытому люку корабля.

— Зачем он тебе? — спросил Липп.

— Потерпи ещё чуть-чуть, и я всё объясню, — пообещал Домо.

Поднявшись по спущенному трапу ко входу на боку искусственной куколки жуаранона, Липп не удержался от возгласа удивления. Впереди простирался туннель, уходящий вглубь корабля не менее чем на сотню метров. В то время как сам корабль в ширину был не более пяти метров! Это означало невозможное — внутри корабль был гораздо больше, чем снаружи!

— Как такое вообще возможно? — спросил Липп, не спуская глаз с чудо-туннеля с раскрытым от удивления ртом.

— Исказитель пространства, — ответил андроид. — Одно из последних по-настоящему великих изобретений техномагов, оставшихся после их исхода.

Липп, не отпуская тело убитого полубрата, перенёс одну ногу через проход и осторожно коснулся пола носком своего ботинка. Ничего необычного не случилось. Затем он протянул руку внутрь искажённого пространства. Тоже ничего. Пространство как пространство.

— А это вообще безопасно? — спросил он, когда они вошли внутрь.

Домо утвердительно кивнул.

— Вполне. Только у первых прототипов были значительные проблемы со стабильностью. Любой перебой в потоках энергии мог вызвать глич в искажителе. В результате внутренности корабля возвращались в свой первоначальный размер, разламывая корпус корабля как яичную скорлупу. Если это происходило во время стоянки, обычно обходилось без жертв. Но когда такое случалось во время полёта, погибал весь экипаж. Техномаги Голденкора успели создать всего около сотни кораблей со стабильным искажителем пространства до начала раскола. Так что это настоящий раритет.

Липпу стало не по себе. Летать в такой опасной посудине резко расхотелось. Хотя изначального желания тоже не было.

Положив тело на пол, Липп ожидал, что они вернутся и перенесут все тела внутрь, однако Домо тут же задраил проход нажатием на сенсор, напоминающий большой сосок на стене. После этого они отнесли тело мертвеца к колонне мусоропровода и скинули его вниз через открывшийся в ней сфинктер. Мусоропровод, словно огромный пищевод, жадно проглотил тело, отправляя его вниз в «желудок» корабля перистальтическими движениями, где оно будет разбито на отдельные молекулы и в конце концов станет частью корабля.

Липп опять хотел спросить, зачем они это сделали, но всё же решил дожидаться, пока Домо расскажет ему всю историю целиком.

Далее они прошли в кабину управления по запутанным лабиринтам округлых коридоров, похожих на кишки настоящего жуаранона. Учитывая, как легко Домо ориентировался внутри

корабля, Липп заключил, что он бывал тут раньше. Кабина управления, она же капитанский мостик, представляла собой комнату средних размеров с тремя креслами, растущими прямо из пола на толстых стеблях. Как и всё на этом корабле, комната была округлой по форме, без каких-либо острых углов. Стены, пол и потолок, так же как и коридоры, были покрыты мягким пружинящим материалом серого цвета, по виду и консистенции напоминающим пористую резину. В передней стене торчала дюжина округлых мониторов разных размеров, самый большой из которых был размером с колесо телеги и находился прямо посередине. Липпу эти мониторы напоминали матовые шары, которые погрузили наполовину в расплавленный полимер, где они застряли после того, как полимер затвердел. Ни пульта управления, ни хоть чего-то напоминающего руль или штурвал тоже не было. Хотя Липпу никогда и не доводилось раньше бывать внутри космических кораблей, и все его познания черпались только из скудной школьной программы его сельской школы, он понимал, что этот корабль был крайне необычным.

Домо снял с шеи медальон покойного князя и вложил его в выемку на спинке кресла, что стояло посередине. Выемка идеально соответствовала форме медальона, будто им её и отпечатали. Зафиксировав медальон внутри, Домо повернул его по часовой стрелке, пока не раздался щелчок. Мониторы в стене тут же ожили, показывая пространство снаружи корабля с разных ракурсов. Липп невольно поморщился от вида множества тел, распластавшихся на полу.

Домо сел в кресло. Из подлокотников тут же выросли техноорганические джойстики, чем-то напоминающие два гриба с маленькими шляпками. С потолка спустилась кишка, заканчивающаяся многочисленными извивающимися корешками. Липп тут же отпрянул от неё. Сработал инстинктивный страх всего змееподобного. Домо даже не шелохнулся. Извивающиеся корешки-щупальца расползлись по его плоской макушке, плотно обхватывая голову. Со стороны казалось, что голова андроида обросла пульсирующими кровеносными сосудами, собирающимися в уходящую вверх пуповину. Взяв джойстики в руки, Домо нажал на мягкие выпуклости наверху их шляпок и вжал их вперёд. Корабль дёрнулся, слегка завибрировал, потом включились гравитационные стабилизаторы, и всё прекратилось. Только по изображениям на мониторах Липп понял, что корабль пришёл в движение.

Словно проворный мотылёк, яхта взмыла вверх и влетела в отверстие в потолке пещеры, выходящее в узкую шахту. Шахта была настолько узкой, что её стенки почти касались бортов яхты. Только благодаря специальному силовому полю, окутывавшему корабль в невидимый кокон, его борта не были расцарапаны до дыр. Петляя под землёй на много километров вперёд, шахта наконец закончилась массивными металлическими воротами. Домо остановил корабль в нескольких метрах от ворот и послал к ним радиосигнал с кодом, надеясь, что механизм ещё не успел прийти в негодность за столько сотен лет. Сигнал сработал, и ворота разъехались в стороны. Словно выпущенный на волю жук-болотник, их корабль выскочил наружу и взмыл в звёздное небо. На одном из мониторов Липп увидел, что с другой стороны ворота были покрыты каменной породой, идеально замаскированной под естественные скальные образования.

На другом мониторе был виден быстро удалявшийся замок барона. Туннель вывел их километрах в трёх, может даже пяти от него. Прямо над замком, словно огромный метеорит, весь окутанный пламенем, носом вниз падал один из джаггернаутов. Было непонятно, принадлежало ли боевое судно армии оккупантов или орбитальной обороне Гайфы. Но Липп почему-то был почти уверен, что это был их корабль. Массивный джаггер был раза в два больше замка, и упав он на него, то от него мокрого места не осталось бы. К счастью, в последний момент боевой корабль успел сманеврировать и упал километрах в двух от холма, где стоял замок. Заострённый нос врезался в землю, зарываясь в неё. Тело посуды деформировалось и тут же взорвалось как ядерная боеголовка. Вспышка была такой яркой, что монитор на миг сверкнул, будто в нём зажгли прожектор. Когда изображение вернулось, их взору предстало огромное

грибовидное тело, сотканное из дыма и огня. Взрывная волна положила все деревья в баронском лесу, оставляя на земле огромное выжженное пятно несколько километров в диаметре. Липп подумал, что если бы не звукоизоляция их корабля, его барабанные перепонки сейчас лопнули бы как мыльные пузыри. Вдалеке виднелись ещё два падающих джаггернаута. Благо они падали намного дальше.

«Только бы Медведя не было ни на одном из этих кораблей», — было первым, что промелькнуло у него в голове. Мысли о друге подтолкнули его к мыслям о других близких ему людях.

— Нам нужно вернуться в деревню, — твёрдо сказал он. — Нужно забрать отца, Линку. Да и вообще всех наших. Места тут явно на всех хватит.

— Никого мы забирать не будем, — всё тем же приторно спокойным голосом отрезал Домо.

Липп сжал зубы от злости. Обойдя сидящего в капитанском кресле андроида так, чтобы оказаться с ним лицом к тому, что ему лицо заменяло, он наклонился над ним и крепко схватил его за плечи, с силой вдавливая пальцы в белёсую кожу.

— С меня хватит твоего дерьма, — процедил он. — Я приказываю тебе развернуться и забрать всех из нашей деревни. Ты слышишь меня? Я приказываю тебе!

Домо невозмутимо ответил:

— Давай представим себе, что мы собрали тут всех деревенских. Что потом?

Липп немного опешил, ослабив хватку. Так далеко он не думал. Всё это время он вообще не думал. Просто тупо следовал инструкциям Домо.

Андроид продолжил:

— В Ольховом Луге, не считая тебя и меня, проживает двести пятьдесят семь человек. Что нам со всеми ними делать? Перевезти на другую планету? У нас просто не хватит продовольствия, чтобы прокормить их всех во время полёта.

— Но что с ними будет? — спросил Липп обречённым голосом, отступая назад.

— Абсолютно ничего, — заверил его андроид. — Крепостные — это ценный источник рабочей силы. Лютомиру нет никакого смысла им вредить. Его цель была Гайфа со всеми её ресурсами, и он её получил. Следовательно, их жизнь просто вернётся в прежнее русло. Сам подумай — какая им разница кому служить?

— Давай тогда хотя бы заберём моего отца? — не унимался Липп.

Домо покачал квадратной головой.

— Это только навредит и ему и нам.

— Тогда зачем мы вообще куда-то летим?! — наконец прорвало Липпа. — Зачем ты всё это сделал? Зачем убил семью князя? Зачем предал Гайфу? И куда мы, мать твою, летим?!

В этот момент их небольшое с виду суднышко вылетело за пределы атмосферы. На мониторах появились изображения уже затихающей битвы между войсками обороны и захватчиками. Мёртвые туши джаггернаутов с рваными дырами в бочинах медленно дрейфовали в вакууме космоса. Снующие рои мелких истребителей всё ещё обменивались редкими выстрелами, словно разозлённые осы. Обломки кораблей и мёртвые тела солдат с обеих сторон начинали свой долгий, длиною в вечность, хоровод вокруг орбиты планеты. Они присоединялись к телам своих далёких предшественников, точно так же отдавших свои жизни либо на защиту Гайфы, либо на то, чтобы её захватить, сотни и тысячи лет назад.

Подобные космические кладбища существовали на орбитах практически каждой обитаемой планеты Империиума. Их называли «орбитальными некрополисами».

Липпа передёрнуло от мысли о том, что Медведь мог быть одним из тех, чьё тело сейчас присоединится к такому некрополису. Навечно законсервированное вакуумом космоса и вечно летающее в его холодном пространстве. Не получив в награду даже такую простую привилегию, как быть похороненным в земле планеты, за которую он отдал жизнь.

Пока их не заметили, Домо активировал прокалыватель пространства. Корабль втянуло через невидимую червоточину в безопасное лоно паутины гиперпространства.

Задав мысленно координаты в бортовой компьютер и включив автопилот, Домо снял с головы сплетения щупалец-датчиков и встал с кресла.

— Идём. Поужинаем, и я тебе всё расскажу.

Аппетит у Липпа пропал напрочь, но он покорно последовал за андроидом.

Глава 5

Как оказалось, ящики, которые грузили в корабль солдаты, были либо набиты сокровищами князя, либо содержали различный провиант. Аппетит Липпа тут же вернулся, как только Домо нашёл нуль-энтропи бокс, заполненный свежеприготовленными жареными гусями, поросятами, утками и курами. Остановленные во времени, зажаристые тушки медленно левитировали в густом пару, словно призраки в тумане. Пар этот исходил от самих тушек, когда их, ещё дымящихся, достали из печи и сразу кинули в нуль-бокс. Интересно, когда их приготовили? Вчера, год, десять лет тому назад? А пар от их поджаристой кожицы всё ещё не осел.

Липп протянул палец, чтобы коснуться одной из плавающих в воздухе тушек, но стоило подушке его пальца пройти сквозь невидимое силовое поле, отделяющее пространство генерируемой нуль-энтропии, как её тут же пронзила резкая боль. Будто он сунул палец в жидкий азот. Одёрнув руку, Липп сунул палец в рот, чтобы согреть его. Однако палец был обычной температуры.

— Позволь мне, — сказал Домо, беря в руку длинные металлические щипцы.

Достав щипцами тушку гуся, он положил её на широкое блюдо. Гусь тут же начал испускать пар, будто его достали из печи. Липп потрогал его пальцем и опять одёрнул руку. Гусь был горячим.

Набрав еды, Домо провёл Липпа в столовый отсек через лабиринты коридоров. Усевшись за стол, Липп тут же начал набивать рот отменной едой князя, запивая вином, стоившим больше, чем вся его деревня, в то время как Домо сел напротив и проглотил всего лишь одну утиную ножку. Как раз достаточное количество протеина, чтобы восполнить материал, потраченный на заживление раны в плече.

— Ты готов задать свои вопросы? — спросил андроид, после того как Липп начал замедлять темпы поглощения еды.

Вытерев жирный рот тыльной стороной руки и шмыгнув носом, Липп спросил серьёзным голосом:

— Зачем ты предал Гайфу?

— Я не предавал Гайфу, — почти с удивлением ответил Домо. — Гайфа — это планета, а не инбредное семейство, возомнившее себя её хозяевами. Как вообще можно предать планету?

— Хорошо, — кивнул Липп, решив зайти с другой стороны. — Зачем ты предал князя?

— Я не предавал князя, — всё с тем же симулированным удивлением ответил андроид. — Я служу тебе, а не ему. Как я могу предать того, кому я не присягал на верность?

— Но разве ты не присягал на верность Бранимирам?

— Твой отец разорвал этот контракт передав меня тебе. Теперь моя цель — улучшить твою жизнь, а не его.

— Улучшить как? — опять начал вскипать Липп. — Сделав меня соучастником убийства семьи аристократов? Разлучив меня с моими близкими и друзьями? С моей семьёй?! Сделав меня изгоем?! Ты мне всю жизнь испортил!

Липп зло бросил тяжёлую литую вилку об стол. Домо, в своей привычной манере, даже не шелохнулся.

— А теперь ты ответь мне на вопрос, хозяин Липп, — начал он, дав Липпу немного времени, чтобы отдышаться и прийти в себя. — А тебя устраивала твоя жизнь? Тебе нравилось вставать каждый день ни свет ни заря, батрачить на поле до позднего вечера, а в конце года отдавать семьдесят процентов всего своего урожая зажавшемуся идиоту? Только потому, что этот идиот назвался хозяином всей планеты?

— Будто у меня есть другой выбор, — буркнул Липп, сложив руки на груди.

— Вот тебе и ответ на твой следующий вопрос. Я затеял всё это, чтобы у тебя наконец появился этот выбор.

— Это как? — Липп прищурился.

— Ты незаконнорождённый сын Князя Бора Бранимира III. В твоих венах течёт его кровь. А вместе с ней и уникальный ген аристократов.

Липп тяжело вздохнул. Может, Домо и правда сломался?

— Даже такой крестьянин, как я, знает, что незаконнорождённые не могут иметь никаких прав ни на титул, ни на наследство своих биологических отцов-аристократов.

— Ты прав, — согласился Домо. — Липп Чёрный не имеет никаких прав на Гайфу. А вот Халл Бранимир вполне себе имеет.

Брови Липпа сомкнулись в недоумении.

— Кто?

— Тот самый труп, который сейчас переваривается в чреве корабля. Видишь, даже ты, уроженец Гайфы, не знал, что у князя был ещё один сын. А всё дело в том, что Халл родился с ярко выраженными генетическими дефектами. Князь стыдился этого и прятал Халла ото всех своих друзей-аристократов с самого его рождения. В итоге никто, кроме князя, его семьи и его самых приближённых слуг, не знал о его существовании.

Липп сразу понял, к чему именно клонит Домо.

— Значит, ты хочешь, чтобы я занял его место? Прикинулся истинным сыном князя?

Домо кивнул.

— Именно так. Теперь, когда не осталось в живых никого, кто знал Халла в лицо, ты спокойно можешь занять его место.

От мысли о том, что Домо убил этого бедного слабоумного ради него, фактически из-за него, Липпу стало дурно. Поглощённая им еда запросилась наружу, и он крепко сжал руки в кулаки под столом. Его давно нестриженные ногти впились в кожу, и боль переборола наступавшую дурноту. Прикрыв глаза и немного уняв своё раздражение, он продолжил.

— Но если никто не знает о существовании Халла, зачем мне вообще им прикидываться? С таким же успехом я могу сказать, что я его пятый ребёнок, которого он тоже ото всех скрывал, — Липп Бранимир.

— Не можешь, — ответил Домо. — Все законнорождённые дети аристократов регистрируются в специальном реестре знати Империума. Халл Бранимир там записан. Липп — нет.

Липп подобрал брошенную им вилку и задумчиво постучал её кончиком по крышке стола.

— А как же генетический тест? — спросил он после недолгих раздумий. — Пусть я сын барона, но во мне нет ни грамма генов его законной жены.

Домо ответил тут же, без малейшего промедления, будто заранее зная его вопрос.

— А вот тут ты ошибаешься. Учитывая, что княгиня приходилась твоему отцу — своему мужу — троюродной сестрой, то и в тебе есть часть её генов. Дай мне свою руку, — попросил он.

Липп недоверчиво протянул ему руку. Домо крепко обхватил его запястье и развернул венами к себе. Из указательного пальца его свободной руки вылезла чёрная игла, как коготь животного, и он ткнул ею в запястье Липпа. Липп вскрикнул и было одёрнул руку, но хватка андроида была крепка как сталь. Забрав немного его крови, Домо отпустил его запястье. Липп потёр место укола и неодобрительно посмотрел на андроида.

— Как я и ожидал, — сказал Домо после нескольких секунд, ушедших на анализ крови. — В тебе вовсе не пятьдесят, а шестьдесят два с половиной процента крови Бранимиров. Этого вполне достаточно, чтобы любой современный анализатор генов показал, что ты являешься истинным наследником князя. Конечно же, хороший техномаг из касты мастеров генов довольно быстро распутал бы эту запутанную генетическую паутину и установил, что ты не

являешься сыном Хильды. Но, на наше счастье, таковых в Империуме больше не осталось, а имеющиеся генетические анализаторы довольно примитивны.

Липп прищурился. Даже его скудных познаний в математике и биологии было достаточно, чтобы знать, что ребёнок может получить от отца только пятьдесят процентов генов.

— В смысле? Как это у меня может быть шестьдесят два с половиной процента крови от моего отца?

Домо собрал со стола кости, оставшиеся после ужина Липпа, отправил их себе в хоботок, чтобы ничего зря не пропадало, и только потом ответил.

— Видимо либо твоя бабка, либо дед по материнской линии тоже были незаконнорождёнными отпрысками старого Крида Бранимира, твоего прадеда. Ну или, может быть, сама Ида была незаконнорождённой дочерью его сына Петроса. Того самого, что засадил мне пулю в голову.

Липпу стало противно от самой мысли об этом.

— Я что, плод кровосмешения? — он машинально задал вопрос, на который не хотел получить ответа.

— Именно так, — подтвердил Домо. — Учитывая, что Ольховы Луга находятся в такой близости к летней резиденции династии Бранимиров, в этом нет ничего удивительного. Многие поколения твоих благородных предков возвращались пьяными с охоты именно через твою деревню.

Липп почувствовал себя грязным. Не снаружи, а изнутри. И это была грязь, от которой невозможно будет отмыться. Только смириться и научиться с ней жить.

Прежде чем продолжить свои расспросы, он налил себе в кубок вина и сделал несколько жадных глотков. Он никогда не понимал людей, которые пьют алкоголь ради вкуса. Неважно, было ли это пиво, вино, настойка или обычный самогон. Он всегда пил только лишь для того, чтобы опьянеть. Перейти в состояние, которое у них называлось «навеселе». В котором тебя ничего не заботит, море кажется по колено и ты можешь плясать как угорелый до самого утра. Мерзкий вкус сивухи был ценой, которую необходимо было заплатить за переход в это состояние. «Знающие» люди часто говорили ему, что он просто не пробовал хорошего алкоголя. И вот теперь он пил вино князя, каждый глоток которого наверняка стоил больше его годового заработка, и по вкусу оно ничем не отличалось от дешёвого летнего вина, что продавала Трыдрычиха у них в деревне. Однако пойло сделало своё дело — он расслабился и был готов глубже погружаться в тайны своего грязного происхождения.

— Как ты узнал про мою мать? Ты тоже проверял её кровь? — спросил Липп, наливая себе ещё вина.

— Нет, конечно же, — ответил андроид. — Я тогда и двух слов связать не мог, не то что проводить сложные генетические анализы. Однако её образ навсегда запечатлён в моей памяти, — он постучал себя по идеально гладкому виску, — и я сделал выводы, опираясь на её фенотипические... То есть я хотел сказать внешние данные. Уж очень она была похожа на твою прапрапрабабку, княгиню Клавдию.

— Погоди, — Липп вдруг вспомнил довольно очевидную вещь. — А как же мой так называемый двоюродный дядя — Князь Лютомир? Он же уже, наверное, захватил Гайфу?

— Наверняка, — подтвердил Домо.

— Тогда опять же — какой мне резон притворяться сыном беспланетного князя?

— Как чистокровный аристократ ты можешь ходатайствовать у императора право на дуэль с Витором за владение Гайфой.

— Вот так просто? — удивился Липп. — Тогда зачем Витору вообще надо было устраивать весь этот сыр-бор на орбите? Зачем уничтожать столько ценных кораблей, убивать солдат? Одного леса сколько уничтожили обломками джаггеров? Ведь можно же было просто вызвать Бора на дуэль?

Домо положил локти на стол и скрестил пальцы, как он любил делать перед долгими разъяснениями.

— Просто так вызывать на дуэль за право обладания планетой нельзя. Даже если ты аристократ. Иначе каждый из них вызывал бы друг друга на дуэль, пока во вселенной не осталось бы ни одного аристократа.

Липп подумал, что от этого вселенная стала бы только лучше, но вслух ничего не сказал, внимательно слушая Домо.

— Думаю, тут тоже нужно начать с самого начала, чтобы ты понял. Спор за право на Гайфу довольно давний. Твой отец Бор и дядя Витор — двоюродные братья. Бор был сыном Петроса, а Витор — сыном старшего брата Петроса, Инвара. Оба брата, Петрос и Инвар, были сыновьями Князя Крида Бранимира и Княгини Анны. А Княгиня Анна, в свою очередь, была дочерью Герцога Андроса Лютомира, правителя Энтеи...

— Погоди-погоди, — перебил его Липп, махая руками перед собой. — Я совсем запутался. Кто там чей дядя, мама, брат?

Домо изобразил тяжёлый вздох и начал объяснять заново:

— Хорошо, давай пока забудем про твоего отца и Витора, а просто сосредоточимся на их отцах — твоём деде Петросе и его брате Инваре. По праву старшинства Инвар должен был унаследовать Гайфу, в то время как Петрос, будучи младшим братом, мог рассчитывать либо на позицию наместника небольшой области Гайфы, либо на карьеру в Империуме по полученной специальности.

— А Петрос — это мой дед? — переспросил Липп. — Типа, отец моего отца?

— Типа да, — подтвердил андроид, передразнивая его. Он уже давно пытался отучить его использовать такие словечки как «типа», но у него мало что получалось. Он продолжил: — Как я говорил, Инвар должен был унаследовать Гайфу, в то время как твой дед не получил бы ничего. Однако случилось непредвиденное. Вся семья их матери, Княгини Анны, была убита во время мятежа крестьян, и Анна стала единственной наследницей всей Энтеи. Однако по закону Империума аристократам запрещено владеть более чем одной планетой. Поэтому было принято решение, что Инвар возьмёт девичью фамилию матери — Лютомир — и улетит править Энтеей, в то время как Петрос унаследует Гайфу. Энтея была ближе к центру Империума и была более богатой и развитой планетой с гораздо более сильной армией, так что Инвар сильно не возражал. Петрос тоже был доволен, так как теперь он был наследником Гайфы. Однако, как это часто бывает у аристократов, семейная идиллия долго не продлилась. У Инвара родились сыновья — Витор и Крид II, — и Инвар начал требовать вернуть ему Гайфу, аргументируя тем, что теперь Витор может править Энтеей, а Крид II унаследует Гайфу после него. Понятное дело, Петросу такой расклад совсем не понравился, и оба брата обратились в Имперский Верховный Суд.

— Погоди, — опять перебил рассказчика Липп. — Как этот Инвар мог претендовать на Гайфу, раз он уже был правителем Энтеи? Почему судья сразу не послал его куда подальше?

— Не забывай, что право первородства всегда было основой аристократического социума. А Инвар был старшим сыном Крида I.

— Но это же нечестно! — возмутился Липп.

Домо опять изобразил тяжёлый вздох.

— Вселенная вообще достаточно нечестная штука. Если бы она была честной, пришлось бы тебе притворяться своим убиенным братом, чтобы получить то, что твоё по праву крови? Или пришлось бы крепостным батрачить на феодалов только потому, что те родились с определённой фамилией?

У Липпа не нашлось что ответить, и Домо продолжил:

— Так вот. После долгих судебных процессов один правовед нашёл старый закон, в котором говорилось, что данный спор можно было решить двумя способами — либо прямым

вооружённым конфликтом, либо дуэлью. И вот тут для Инвара возникла проблема. Сам Инвар всегда был интеллектуалом, любившим проводить свободное время за книгами, в то время как его брат Петрос с молодости любил подраться и очень неплохо владел мечом. У Инвара не было ни малейшего шанса против него. Единственный человек, который мог заменить Инвара на дуэли, был его старший сын Витор, но Инвар тоже понимал, что тот не выстоит и минуты ни против своего дяди, ни против его более сильного и тренированного двоюродного брата Бора. При вооружённом конфликте, несмотря на то что у Инвара был более сильный флот, он мог потерять половину своих кораблей. В результате спор был заморожен.

— Раз мой дед Петрос был сильнее, — с нескрываемой гордостью спросил Липп, — то почему он сам не вызвал Инвара на дуэль?

— И что бы он с этого получил? — спросил Домо, вопросительно склонив голову на бок. — Претендовать на Энтею он не мог. Гайфа уже была его. Да и убивать родного брата у него желания тоже особого не было. В отличие от Инвара.

Липп почувствовал страшную неприязнь к этому Инвару. Кем он там ему приходился? Двоюродным дедом? Хотя по итогу уничтожил весь род Бранимировов вовсе не Инвар, а его — Липпа — андроид.

Домо продолжил:

— Раз взять Гайфу силой не получилось, он решил действовать хитростью. Тут надо заметить, что, когда он получил в наследство Энтею, он, как старший брат, получил в подарок и меня. Через несколько лет после конфликта Инвар разыграл перемирие с братом и опять подарил ему меня в качестве свадебного подарка своему племяннику Бору. Вот только перед этим он наказал мне выведать коды доступа к орбитальной обороне Гайфы и выслать их ему через специальный, встроенный в меня передатчик.

— Что ты и сделал, — с досадой процедил Липп.

— Сделал, — согласился Домо. — Но совсем не тогда, когда от меня это ожидали. Петрос оказался просто невероятно везучим. Раздобыть коды мне не составило большого труда, но вот замок оказался экранированным от несанкционированных межпланетных сигналов. И прежде чем я успел выйти из замка, Петрос успел набраться и спяну выстрелил мне в голову. Видимо, одно моё присутствие напоминало ему о его брате-предателе. В итоге мой мозг был так поврежден что я уже не мог передать никаких кодов. После смерти Петроса я достался Бору, которому я тоже постоянно напоминал о его неполноценном сыне Халле, и он избавился от меня, подарив меня тебе.

В голове Липпа, словно мозаика из мелких кусочков, начала складываться общая картина. Однако в этой картине всё ещё были значительные пробелы — недостающие кусочки.

— Так ты передал коды доступа Витору, потому что всё ещё подчинялся старому приказу его отца? — предположил Липп, подсознательно всё ещё пытаясь найти оправдание такому ужасному поступку.

Домо помотал головой.

— Нет, конечно же. Петрос давно умер, и во владение Витору меня никто не передавал. Хотя именно эту легенду я и использовал, когда передавал ему коды доступа. — Немного помолчав, Домо добавил: — Как я уже упоминал ранее, моей главной целью было сделать тебя главой Гайфы.

— Но почему?! — почти воскликнул Липп. Его сердце бешено заколотилось в груди от брызнувшего в кровь адреналина. — Я-то тебе уж точно такого приказа не отдавал! Или я во сне проямил, что хочу стать новым князем? Хотя я о таком даже во снах не мечтал.

— Да, это была всецело моя инициатива, — согласился андроид. — Вопрос «почему» я это сделал довольно философский. — Домо развёл руками. — Может, я просто хотел сделать твою жизнь лучше? Может, подумал, что пришло время что-то поменять во вселенной? А может, я просто стал инструментом судьбы, которая всё решила за меня?

— С каких это пор андроиды могут философствовать? — недоверчиво прищурившись, спросил Липп.

Липп, конечно же, не был экспертом в области робототехники, но ему почему-то казалось, что философия не входит в блок их основных функций.

Домо пожал плечами.

— Не знаю. Я был прототипной моделью. Первым в своём роде. Может, техномаг, который меня проектировал, не заметил какой-нибудь баг в моих нейросетях? А может, и специально этот «баг» туда добавил? А может, пуля князя Петроса случайно перенастроила мой мозг? Что опять можно отнести к акту судьбы.

«Слишком много «может»», — подумал Липп. Но самыми главными «может» были: «может» ли он — Липп — доверять андроиду, который, «может» быть, просто съехал с катушек?

— Давай по порядку, — Липп опять попытался собрать кусочки мозаики в полную картину. — Ты решил сделать меня новым князем Гайфы, так?

Домо кивнул, и Липп продолжил:

— Для этого ты, зная историю вражды Бранимиров и Лютомиров, связался с Витором и передал ему коды доступа к обороне Гайфы, которые не успел передать его отцу двадцать пять лет назад?

Домо опять кивнул и почти с гордостью добавил:

— А ещё я дал ему точную дату и время, когда на орбите должно было быть меньше кораблей. Это, конечно, было ложью, так как я понятия не имел, сколько там кораблей и как часто они меняются. Я просто хотел не упустить момент с побегом князя. Хотя этот идиот Витор всё равно напал на час раньше.

Несмотря на то что Липп всё ещё был зол на него, он не мог не отметить, что это было довольно-таки умно.

Почти говоря скороговоркой, Липп продолжил на одном дыхании:

— Зная коды доступа, флот Энтеи без особого труда разбивает силы орбитальной обороны. Вся семья князя бежит в тайный ангар, чтобы сбежать с Гайфы, где их уже поджидаешь ты. Ты убиваешь их всех. Я занимаю место Халла Бранимира. Мы летим на Голденкор, чтобы я мог вызвать моего дядю на дуэль за право обладания Гайфой. Так?

Закончив, Липп с наслаждением вдохнул воздух в опустевшие от этой тирады лёгкие.

— Всё верно, — согласился Домо, кивнув.

— Вот только ты не учёл одного очень важного момента, — подловил его Липп. — Я последний раз держал в руке меч, когда мне было двенадцать и мы с пацанами играли в Рыцарей Атрагона. Да и меч этот был сделан из старого штaketника. Как мне сразаться с дядей Витором? Дворянином, которого с детства учили фехтованию? Пусть он даже не особо искусен в этом. Я-то вообще к настоящему мечу даже не прикасался.

— С Витором тебе, скорее всего, драться не придётся, — сказал Домо. — Так как ты значительно моложе, по негласному этикету его сын Хаст должен занять его место. Иначе всю семью Лютомиров просто засмеют.

— Ещё лучше! — воскликнул Липп, хлопая себя по коленям. — Значит, вместо старика мне ещё и с молодым дворянином биться придётся? Просто замечательно!

— За исход дуэли можешь не беспокоиться, — успокоил его Домо. — Победу я тебе гарантирую. Хотя потренироваться во владении мечом всё же придётся.

Липп внимательно посмотрел на своего андроида. Смотреть в гладкое «лицо» Домо было всё равно что смотреть на стену. Это давалось довольно легко, без каких-либо эмоциональных напряжений, но одновременно с этим не давало никаких результатов. Он хотел ещё порасспрашивать, но передумал. Уже имеющейся информации было более чем достаточно для размышлений, и он уже порядком устал. Полёт до Голденкора будет долгим, так что он ещё успеет

здать все свои вопросы. Хотя нет. Прежде чем встать из-за стола, он должен знать ответ на один последний вопрос.

— А что, если я откажусь участвовать во всей этой авантюре? — спросил он. — Что, если прикажу развернуть корабль и вернуть меня назад на Гайфу?

Домо вздохнул и ответил:

— Заставлять тебя делать что-либо силой у меня нет ни возможности, ни желания. Если ты так решишь, то я тут же разверну корабль назад. Только прежде чем отдать такой приказ — хорошо подумай, от чего ты отказываешься и какое будущее ждёт тебя, твоих потенциальных детей и потомков, а также всех жителей Гайфы. Свой ответ можешь дать мне завтра утром.

Встав из-за стола, Домо направился к выходу из столовой. Липп ещё несколько секунд сидел за столом, придавленный весом вопроса Домо, но потом быстро встал и поспешил за ним, боясь заблудиться в недрах исполинского корабля.

Домо отвёл Липпа в отдельную опочивальню и, пожелав спокойной ночи, удалился. Так как у Липпа никогда не было собственных часов, а на корабле не было смены дня и ночи, он понятия не имел, была ли сейчас ночь или уже раннее утро. Даже не раздеваясь, он плюхнулся на кровать и закрыл глаза. Кровать, а точнее высокий матрас из какой-то пористой губки, была самым мягким ложем, на котором ему только доводилось лежать. Всё тело ныло от усталости. Желудок с удовольствием переваривал вкусную пищу. Однако циркулирующие бешеным вихрем мысли в его голове не давали ему уснуть.

Его жизнь пусть и была довольно трудной, но при этом всегда была довольно обыденной, скучной и монотонной. Из всех значительных событий он мог припомнить только драки с парнями из соседних деревень да как потерял девственность с вдовой Древореза сразу после его похорон. А тут за один день он пережил столько, сколько не пережил бы за всю жизнь. Сначала атака на Гайфу, потом он стал свидетелем казни князя и всей его семьи от рук того, кого считал своим лучшим другом, и теперь ему самому выпадает возможность стать новым князем? Правителем всей Гайфы? Ему — Липпу Чёрному?! Простому крепостному крестьянину!

«Нет, не простому», — напомнил он сам себе. — «А пусть и незаконнорождённому, но всё же последнему выжившему сыну князя. Последнему из рода Бранимиров».

Нахлынувшее было воодушевление исчезло так же внезапно, как и возникло.

Кого он обманывает? Ну какой из него князь? Такого необразованного невежду как он раскусят за пять минут. Он не знает не то что придворного этикета — так ещё и пишет с ошибками! И эта история с дуэлью? Домо звучал довольно самоуверенно, когда говорил, что поможет ему победить сына Витора, но мог ли он доверять свихнувшемуся андроиду? Да, пока что его план шёл как по маслу, но Домо ведь явно был не в себе! У андроидов такого типа вообще должна стоять специальная программа, не позволяющая им вредить людям. А этот спокойно расстрелял кучу людей, да ещё женщин и подростков. Явно у него обнаружился какой-то серьёзный дефект, учитывая, что ему мозги вышибали уже дважды. Хотя опять же — пока что его план шёл как по маслу.

Главным вопросом оставалось — стоило ли ему рисковать своей жизнью ради призрачной надежды стать главой Гайфы? Ведь жизнь у него была только одна. И всё что ему нужно сделать, чтобы вернуться к прежней жизни, — это поутру приказать Домо вернуть его обратно на Гайфу. И тогда всё вернётся в прежнее русло.

В ответ на мысли о возвращении к прежней жизни его разум ответил волной накатившего гнева. Последний вопрос Домо, как глубоководная субмарина, всплыл из глубин его подсознания.

Да какая у него была жизнь? Батрачить на очередного хозяина, быть вечным рабом и потом ещё передать это рабство своим детям? Как семейное проклятие. Ещё он отлично понимал, что даже если откажется, то потом всю жизнь проведёт в мучениях от раздумий о том,

как всё могло повернуться. Такой шанс выпадает не то что раз в жизни, а раз в сотню жизней! Может, даже в тысячу?! Разве такой приз не стоит того, чтобы рискнуть ради него своей шеей? А в случае успеха — сколько всего он сможет изменить на своей родной Гайфе? Скольким людям сможет помочь? Его будущие потомки никогда не будут знать ни голода, ни изнуряющего и опустошающего душу труда, плоды которого достаются кому-то ещё.

Проворочавшись ещё с полчаса, ему наконец удалось провалиться в мир сновидений.

Глава 6

— Каково будет твоё решение? — спросил Домо, когда они встретились на следующее утро. — Стоит мне развернуть корабль и вернуть тебя на Гайфу?

— Я думаю, ты и так уже знаешь ответ, — махнул на него рукой Липп.

— Держим курс на Голденкор? — решив удостовериться, спросил Домо.

— Держим курс на Голденкор, — подтвердил Липп.

— Отлично, — Домо довольно потёр руки. — Тогда мы можем приступить к работе. Обычно полёт от Гайфы до Голденкора занимает около недели, но мы полетим в обход, так что будем там через месяц.

— Месяц! — удивился Липп. — Почему так долго?

Перспектива находиться в замкнутом пространстве корабля целый месяц нагоняла на него лёгкие приступы клаустрофобии.

— Две причины. Первая — это даст нам время сделать из тебя идеальную имитацию аристократа. Вторая — ровно через месяц состоится бал в честь дня рождения принцессы Виктории, на котором соберётся вся знать Империума. Именно там, в присутствии всех дворянских родов, ты попросишь у императора справедливости и права на дуэль со своим обидчиком. Император при всём желании не посмеет тебе отказать. — Немного подумав, Домо добавил: — Да и желания отказывать у него вряд ли появится. Бал будет длиться три дня, и дуэль двух дворян будет желанным развлечением.

— Ну хорошо, — пожал плечами Липп. — Давай делать из меня дворянина. С чего начнём?

— С самого главного, — Домо приблизился на шаг ближе к Липпу, и тот почти физически ощутил на себе взгляд его невидимых глаз. — Запомни — ты теперь Халл Волган Бранимир, сын Князя Бора Бранимира III и Княгини Хильды Бранимир, в девичестве — герцогини Львовой. Родился ты восьмого числа десятого месяца 982 года от основания Империи.

Липпу, родившемуся в 984 году от основания Империи, даже понравилось стать на два года старше.

— Ну это легко, — улыбнулся Липп.

— Нет, — не согласился с ним андроид, — это совсем нелегко. Тебе не просто придётся называться его именем. Тебе придётся забыть своё старое имя и по-настоящему стать Халлом Бранимиром.

— Это ещё как? — удивился Липп. — Как же я имя своё забуду?

Домо развернулся на сто восемьдесят градусов и жестом позвал Липпа следовать за ним.

— На корабле имеется медицинский отсек с кучей оборудования, среди которого есть корректор нейросетей, — начал объяснять андроид, пока они шли по лабиринтам корабля. — Его обычно используют для терапии душевных расстройств — шизофрении, раздвоения личности, депрессии и прочих. Но если его правильно перенастроить, то им также можно перезаписать память.

При мысли о том, что у него будут копаться в мозгах — да ещё не просто копаться, а что-то там менять, менять его естество, его Я — у Липпа всё сжалось внутри.

Он встал как вкопанный. Домо тоже остановился.

— Э, нет, — твёрдо сказал он, мотнув головой. — Я на такое не подписывался. Да и зачем всё это, если я просто могу назваться любым именем?

— Это нужно на случай, если тебя решат испытать на дознавателе правды, — ответил Домо. — Что само по себе весьма маловероятно, но перестраховаться не помешает.

— Ну тогда мне там всё перезаписывать придётся, — он постучал себе по виску. — Они же всё что угодно спросить могут.

— Могут, — кивнул Домо. — Но если машина покажет, что ты сказал правду, когда тебя спросили, чей ты сын и каково твоё имя, остальные неправильные ответы спишут на неисправность оборудования. Да и корректор нейросетей нам всё равно придётся использовать. Иначе будет просто невозможно за месяц впихнуть тебе в голову столько информации, сколько обычные люди заучивают годами.

Липп подумал — наверное, потерять имя было не так уж и страшно по сравнению с тем, чтобы быть пойманным за яйца и затем эти яйца потерять. Причём уже не в переносном смысле, а в буквальном.

— Значит, я забуду только своё имя? — спросил он. — Всё остальное останется без изменений?

— Да, — кивнул Домо. — Остальная память будет полностью интактной. И ты не забудешь своё имя. Оно у тебя просто поменяется, и ты будешь помнить, что тебя всегда звали Халл Бранимир. А вот имя Липп Чёрный ты забудешь. Ах, да, — притворно вспомнил Домо, хотя Липп и так знал, что тот просто физически не мог ничего забыть. — Имя твоей матери тоже придётся поменять на Хильду Бранимир.

— Нет! — твёрдо возразил Липп. — Своё имя забыть — это одно, но забывать свою мать я не собираюсь!

— Я же тебе уже объяснял, — терпеливо сказал Домо. — Ты не забудешь ни свою прежнюю жизнь, ни свою мать. У вас обоих просто поменяются имена.

Липп плотно сжал губы. Стоило ли забыть не только своё имя, но и имя своей матери ради того, чтобы стать дворянином? Ответ пришёл быстро, без малейшего промедления — конечно, стоило. Тут и думать было не о чем. Однако в сердце у него щемило как никогда.

Липп устало провёл ладонью вниз по лицу, будто стирая с себя лишние мысли.

— Мы ведь сможем потом вернуть всё как было? — спросил он с надеждой.

— Конечно, — подтвердил Домо.

— Ладно, — он махнул рукой. — Пойдём, пока я не передумал.

Медицинский отсек оказался точно таким же помещением, как и все другие на корабле — просторная комната с закруглёнными углами. Стены, потолок и пол покрыты однородным губчатым покрытием, слегка пружинившим под ногами. Всё медицинское оборудование не стояло отдельно, а было вделано внутрь стен, как бы являясь продолжением самой комнаты.

— Вот это и есть корректор нейросетей, — Домо указал на нечто похожее на огромный, примерно метр в диаметре, сфинктер, тоже вделанный прямо в стену медотсека.

Вид гигантского, похожего на анус, сфинктера на стене вызвал у Липпа смешанные чувства. С одной стороны, ему стало смешно, но с другой, догадавшись, что ему придётся лезть внутрь этого ануса, на него напал приступ омерзения.

Домо нажал на небольшую выпуклость в стене рядом со сфинктером, и тот раскрылся, превращаясь в зияющую дыру. Внутри дыры был уходящий вглубь металлический цилиндр, как раз под размер взрослого человека. Изнутри эта конструкция напоминала печь для сжигания трупов, о которой Липп читал в одной из своих книжек про другие миры. Такие печи обычно использовали на густозаселённых мирах, типа Голденкора, где не хватало места для захоронений в земле. Такие же печи были и на космических кораблях дальнего следования. От такого сравнения Липп невольно поёжился.

«Уж лучше думать об этом как об огромной жопе», — посоветовал он сам себе.

Домо продолжил:

— Криворукие технофокусники, что работали на старого князя, не смогли разобраться с назначением даже половины из всего этого оборудования. — Домо показал руками на вде-

ланные в стены приборы. — А ведь этот корректор нейросетей с лёгкостью мог бы вылечить настоящего Халла Бранимира от его слабоумия и избавить князя от позора.

— А ты умеешь всем этим пользоваться? — недоверчиво спросил Липп.

— Конечно, — кивнул Домо. — В моей памяти заложено управление почти всем оборудованием техномагов.

Мысли о своём убиенном и ни в чём не повинном полубрате, у которого ему также придётся украсть имя, вызывали у Липпа приступы уныния. Однако он не мог не спросить:

— Но почему тогда ты не рассказал князю, как вылечить Халла?

— Ты забываешь, что твой дед Петрос выстрелил мне в голову за три года до рождения Халла. После этого я уже никому ничего не мог объяснить.

Липп мысленно отругал себя. Он, грешным делом, подумал, что андроид специально не сказал князю, как вылечить его сына. Хотя что об этом думать, когда Домо только вчера собственноручно убил беднягу Халла?

— И что, в стародавние времена действительно любому человеку можно было вот так просто переписать всю память? — удивился Липп.

— Нет, конечно же. Корректировка памяти всегда была под строжайшим запретом.

Липп задумчиво почесал затылок.

— Так зачем тогда они вообще такую функцию в корректор нейросетей заложили? Да ещё и такую, какая в любом медотсеке есть.

— Нет в нём такой функции, — ответил Домо. — Но её можно туда заложить.

Андроид протянул свою руку к выпуклости в стене, не касаясь её. Из кончиков его пальцев вылезли белёсые нити, заострённые на концах, чем-то похожие на червей-пиявцев, что водились в гайфийских болотах. Извиваясь в воздухе, нити достигли выпуклости в стене и вонзились в её мягкую губчатую поверхность. По их поверхностям забегали дольки мягкого голубоватого свечения, выходящие из кончиков пальцев и исчезающие внутри губчатой стены.

Липп опять усомнился в том, что Домо был обычным андроидом. Ну откуда у обычного дворецкого в рукаве могла завалиться программа для стирания памяти? Судя по его же словам, ещё и крайне нелегальная. Нет, старый андроид явно что-то недоговаривает.

— Готово, — объявил он, втягивая нити-провода обратно внутрь своих пальцев.

— И как это работает? — спросил Липп.

— Я бы сказал очень просто, но думаю это будет неправдой, — ответил Домо. — Я могу попытаться тебе объяснить азы работы корректора, но так как на данном этапе своего образования ты ещё не знаешь таких терминов как нейрон, глия и синапсы, то это займёт слишком много времени. Давай просто подождём, пока корректор не заложит всю эту информацию тебе в мозг? — предложил андроид. — Думаю, так мы сможем сэкономить кучу времени.

Домо положил руку на губчатую стену в паре сантиметров от сфинктера, и его пальцы тут же провалились внутрь, словно он запустил их в поросль мха. Из недр корректора беззвучно выдвинулась металлическая платформа, словно язык из пасти. Сходство с инсинератором для трупов только усилилось.

— Ложись, — приказал Домо.

Липп послушно лёг на платформу. Так же беззвучно она втянула его внутрь металлической трубы. Домо закрыл за ним дверь. Оказавшись в полной темноте и замкнутом пространстве, напоминающем гроб, у Липпа тут же начался приступ клаустрофобии. По всему телу выступили капли пота. Стало трудно дышать. Захотелось кричать и проситься наружу. Липп до боли прикусил нижнюю губу, чтобы сдержать себя.

Вдруг в трубе загорелся свет, исходящий неизвестно откуда. Будто светился сам воздух. Из серебристых стенок трубы начали вытягиваться тонкие нити, очень похожие на нити, выходящие из кончиков пальцев Домо. Только эти были намного тоньше. Даже тоньше чем человеческий волос. Сначала нитей было около дюжины, потом около сотни, а потом и вовсе стены

превратились в сплошной ворсистый ковёр. Несколько нитей молниеносно, словно змеи, впились ему в лоб. Липп вскрикнул и хотел было схватить их, но его тело тут же парализовало и онемело. Всё больше и больше нитей впивалось ему в голову. Несколько залезли ему в нос и даже под веки. Боли не было. Страх тоже исчез. Однако вместе с этим сознание его оставалось абсолютно ясным. Только по всему телу разлилось приятное покалывание.

Он стал ждать — когда же начнёт происходить изменение его памяти? Прошло около минуты, но никаких изменений он не почувствовал. Ничего не изменилось и через пять минут, когда все нити втянулись обратно в стенки и платформа выдвинула его наружу.

«Неужели чудо-машина сломалась?» — подумал он, принимая сидячее положение. Он всё так же помнил своё имя — Халл Бранимир. И мать его звали всё так же — Хильда Бранимир. И была она простой крепостной крестьянкой. Женой Гала... Фамилия его отца наотрез отказалась всплывать в его памяти. Будто её оттуда вымарали, оставив только пустое место. Да и как его фамилия, и уж тем более фамилия его матери, могла быть Бранимир, когда он был незаконнорождённым, а его мать никогда не была замужем за князем?!

— Как ты себя чувствуешь, Халл? — спросил Домо, специально делая акцент на его новом имени.

Халл спрыгнул с лежака и ощупал голову. Места проколов, оставленные волосоподобными щупами, слегка зудели, как от укусов комаров.

— Не могу вспомнить фамилию своего отца, — произнёс он. — Я имею в виду моего приёмного отца — Гала.

— Да, её пришлось стереть, — признался Домо. — Иначе ты бы быстро вычислил свою настоящую фамилию и начал постепенно самоидентифицироваться именно с ней. Назови своё полное имя.

— Халл Волган Бранимир, — машинально ответил он.

— Имя твоей матери?

— Хильда. Княгиня Хильда Бранимир, в девичестве герцогиня Львова, — ответил он, и в его голове тут же возник диссонанс. Как его мать могла быть княгиней, если она была дочерью крестьянина? Хотя нет. «Княгиня» не ассоциировалась у него с титулом. Скорее звучало как дополнительное имя.

Липп не мог поверить в то, что с ним произошло. Все его мысли, его воспоминания, остались прежними. Единственное, что поменялось, было его имя и имя матери. Хотя он мог поклясться на всём что угодно, что он всегда был Халлом, а его мать всегда была Хильдой!

— Отлично, — сказал Домо. — Теперь возьми эту книгу. — Он протянул ему заранее принесённую с собой книгу. — Открой на любой странице и прочти вслух.

Халл взял книгу в руки. Прямоугольная форма, твёрдый чёрный переплёт. Она явно была инопланетного происхождения. Открыв её на середине, Липп увидел страницы с напечатанными на них строками странных рун. Причём предложения были написаны не столбиками сверху вниз, как писали на стандартном Имперском, а справа налево.

— Как я это прочту-то? — удивился Халл. — Тут же ничего непонятно.

— А ты всё равно попробуй, — настаивал Домо.

Халл опять опустил глаза на открытые страницы и, к своему удивлению, начал читать вслух! Слова, выходявшие у него изо рта, были полной тарабарщиной, однако он отлично понимал, что они означали! Понимание неизвестного языка возникало само собой в его голове, будто ниоткуда:

— The voice said, — Cry.

And he said, — What shall I cry?

All flesh is grass, and all the goodness thereof is as the flower of the field:

The grass withereth, the flower fadeth:

because the spirit of the Lord bloweth upon it:
surely the people is grass.
The grass withereth, the flower fadeth:
but the word of our God shall stand for ever...

Халл закрыл книгу. Домо довольно кивнул.

— Как так? — ошеломлённо спросил Халл. — Что это было?

— Старо-английский. Один из вымерших языков старой Земли, — объяснил Домо. — Я имплантировал его тебе через корректор нейросетей, вдобавок к корректировке памяти.

Халл закрыл книгу, положил её себе под мышку, прижав локтем, и опять потрогал свои виски.

— То есть эта штука ещё и знания может мне в голову вкладывать?

Домо кивнул:

— Как я уже упоминал, князь сам не знал, каким сокровищем обладает. Наверное, у каждого знатного лорда лежат в закромах разные чудо-машины техномагов, которыми они понятия не имеют как пользоваться.

— Эх, мне бы эту машинку да в мои школьные годы, — с притворной досадой сказал Халл. — Сколько учительских розг мне удалось бы избежать.

— В вашей школьной программе было всего-навсего шесть классов, — пристыдил его Домо. — Вполне можно было обойтись и без корректора нейросетей.

Халл поджал губы. В детстве шесть классов казались ему вечностью. Хотя он слышал, что дети дворян учились и по двадцать лет. Правда, первые десять они учились на дому у частных учителей, а потом уже улетали доучиваться в университеты на Голденкоре. И судя по слухам, учёные мужи так и вовсе всю жизнь учатся.

Он достал книгу из-под мышки, открыл наугад и опять прочёл несколько строчек. Понимание незнакомых рун вспыхивало у него в мозгу словно искры, вылетающие из костра.

— Возьми книгу с собой, — посоветовал Домо. — Корректор может имплантировать только кратковременную память в виде синтетических мРНК. Чтобы её закрепить, нужна постоянная практика.

— А если этот язык вымерший, то как я могу на нём говорить? — спросил Халл, пока они шли по коридору к столовой.

— Археологи периодически находят древние книги. В основном перепечатки. А лингвисты-историки расшифровывают их значение. Никаких видео и аудиозаписей с тех времён, конечно же, не сохранилось, поэтому большинство звуков они просто угадывают, опираясь на звуки в современных языках. В конце концов, все языки Империи образовались в результате смешения языков старой Земли. Хотя, если учесть, что язык каждой планеты образовался из смешения земных языков, а они потом уже смешались в стандартный Имперский, — я думаю, заговори ты на своём восстановленном английском с настоящим англофоном ранней колониальной эпохи, он бы и половины из того, что ты сказал, не понял.

— Ну и зачем он мне тогда нужен? — недовольно спросил Халл. — Мало того что вымерший, так ещё и неправильный? Зачем мне голову всякой бесполезной чепухой забивать?

Домо ответил:

— Среди детей дворян модно получать высшее образование. Тренд, заданный ещё императором Магнусом Просветителем семь веков назад. По твоей легенде, ты с детства увлекался доколониальной и раннеколониальной историей, поэтому много времени проводил со своим дядей Августом, братом твоей матери, который постоянно брал тебя с собой в свои многочисленные экспедиции. Отсюда и объяснение твоего частого отсутствия.

— Но ведь Львовы тоже будут на этом балу? — спросил Халл. — Неужели никто из них не видел настоящего Халла? Да тот же самый Август сразу опровергнет мою историю.

— Не опровергнет, — заверил его Домо. — Его отец — Ленар Львов — отрёкся от Августа, когда узнал о его... — он запнулся на секунду, — скажем так, нетрадиционных пристрастиях, и передал право на наследование титула своему младшему сыну Хойту. С тех пор Август поддерживал отношения только со своей сестрой Хильдой и всё своё свободное время посвящал науке. Пару лет назад он задался сумасшедшей целью — найти старую Землю — и пропал без вести в одной из своих экспедиций. Эта книга, — Домо указал на том в руках Халла, — это всё что осталось у Хильды от её брата. Я нашёл её среди багажа покойной княгини.

— А как ты узнал, что эта книга принадлежала именно Августу?

— Посмотри на форзац книги, — Домо кивнул на том в руках Халла.

Халл также почему-то знал, что форзац — это двойной пустой лист, размещённый перед титульным листом. Открыв его, он обнаружил ещё одну надпись на английском. Только она была не напечатана, а написана пером от руки:

«To my dear Hilda. Love always. Your August.»

— А как насчёт остальных из семейства Львовых? — спросил Халл.

— Ленар умер. Хойт был его сыном от второго брака и был на двадцать лет младше Хильды. На момент рождения Хойта Хильда уже была замужем за твоего отца и жила на Гайфе. Они никогда не были близки. Так что вряд ли он знает про Халла.

Вернувшись в столовую, Халл сел за стол доедать остатки вчерашнего обеда, который они даже не убрали. А Домо сел напротив, положив руки с переплетёнными пальцами на стол.

— Погоди. А откуда ты всё это знаешь? — удивлённо спросил Халл, параллельно обгладывая остатки мяса с куриной кости. — Ты же два года назад ещё с пулей в голове ходил!

— Ночь была длинная, а я во сне особо не нуждаюсь, — развёл руками Домо. — Поэтому у меня была целая куча времени покопаться в багаже Бранимиров. Твоя фиктивная мать — жена князя — видимо от скуки вела подробный дневник, куда записывала всё что с ней происходило с ней и с её семьёй. Вдобавок она была подписана на журнал для дворян — «Светская Сплетница». Я нашёл в её багаже целый ящик с выпусками за последнее десятилетие. Оттуда тоже можно почерпнуть очень много полезной информации.

— Неужели ты успел перечитать всё это за ночь? — опять удивился Халл.

— Почему за ночь? Двух часов вполне хватило, — похвастался Домо. — Я быстро читаю.

Халл хотел было восхититься такой способностью, но потом вспомнил, что и сам выучил целый язык всего за несколько минут.

— А что ещё я теперь могу? — с нетерпением спросил Халл.

— Пока ничего, — ответил Домо. — Если впихнуть слишком много информации за один раз, то можно довольно серьёзно повредить нейрональные цепи в мозгу. Так что будешь ронять слюни на пол не хуже настоящего Халла. Поэтому будем записывать понемногу.

Теперь каждое новое утро Халла начиналось с пятиминутного лежания в корректоре нейросетей. И каждое утро он обнаруживал у себя новый талант. На второй день он получил абсолютные знания по фехтованию, однако тело его было совершенно не тренировано во владении мечом. В результате стоило ему взять в руки меч и попробовать выкрутить им фигуру в воздухе или выполнить фехтовальный приём, как в его голове возникал сильный диссонанс. Приёмы получались, но выходили намного медленнее, чем должны были. Руки и пальцы просто не поспевали за сигналами от мозга. Чтобы подогнать мышечную память под имплантированные знания, Домо нашёл в спортзале корабля два тренировочных меча из мягкого пластика, и они начали тренироваться по три раза в день. Халл даже не удивился, когда увидел, что андроид также является мастером фехтования. У него наверняка было нечто вроде корректора нейросетей прямо в мозгу.

Вскоре его мышцы привыкли к весу меча, и он сам стал сражаться если и не на уровне Домо, то уж точно не хуже любого фехтовальщика с десятилетним стажем.

На седьмой день инъекций знаний у него развились жуткие мигрени, так что пришлось взять перерыв на несколько дней. Параллельно с этим Домо также начал корректировать его тело. Используя аппарат для лазерной хирургии, первым делом он удалил все его мозоли с рук и стоп. Халлу даже было жалко расставаться со своими мозолистыми перчатками. Всё же он зарабатывал их непосильным трудом с самого детства, и мозоли всегда были предметом гордости среди деревенских пацанов. Однако Домо настоял на их удалении, объясняя, что ни у одного дворянина никогда не будет таких рук и ног как у него. Халл почти со слезами на глазах смотрел, как лазер осторожно срезал его огрубевший дермис, оставляя только гладкую розоватую кожу как у ребёнка. Вторым делом Домо вылечил все его зубы. Один из чудо-приборов техномагов даже сумел нарастить ему те зубы, которых уже и в помине не было. В результате рот у него стал как у хорошего мерина.

Корректор нейросетей мог передать только те знания, которые были в нём заложены, поэтому Домо пришлось многому учить Халла самому. Столовый этикет, бальные танцы, дворянский жаргон, марки вин, родословные древних родов, включая его собственный, и многое другое. Домо также настоял на том, чтобы Халл сбрил свою бороду, начал отращивать длинные волосы, а также мылся каждый день, а не раз в неделю, как это было принято у всех нормальных людей. Хуже всего было бриться каждый день и периодически подтачивать специальной пилкой ногти, так что они заострялись на концах как когти животного. У него и так всё лицо было в мелких порезах после каждого бритья, так ещё и ногтями постоянно царапался. Но остричь ногти было нельзя, ибо сейчас у детей аристократов была мода на маникюр.

В результате всё свободное время Халла уходило на тренировки, штудирование книг и уход за собой, с перерывами на обед и сон. Халл даже был рад этому. Когда ему было нечего делать, он начинал думать, что совсем не доставляло ему радости. Он думал про своего приёмного отца, про Линку и всех его деревенских. Как им жилось при новом хозяине? Что сейчас делает его отец? Думает ли он, что его сын погиб при взрыве одного из упавших джаггеров, или же до сих пор ищет его? Выжил ли Медведь?

Когда тренировок и занятий было недостаточно, чтобы сразу свалить его в сон, Халл лежал в кровати и его раздумья уносили его в ещё более тёмные углы его фантазии. Хуже всего было, когда он уходил в сон вместе со своими тёмными мыслями и они превращались там в кошмары. В одном из них, самом страшном, они с Домо опять были в Ольховом Луге на Гайфе. Их план сработал, и Халл был полноправным лордом планеты. Он стоял на Лобном Месте, одетый в самые дорогие шелка и меха, а вокруг него собралась вся деревня. Включая его отца, Линку и даже выжившего Медведя. Казалось бы, всё было хорошо, но вдруг у Домо в руках, как ниоткуда, материализовался его костяной пистолет, и он начал стрелять по собравшейся толпе. При этом все стояли как скот на заклании. Никто даже не шелохнулся. Не попытался бежать. Халл хотел закричать, остановить сумасшедшего андроида. Но как тогда в ангаре, не мог пошевелить и мускулом. Всё его тело было парализовано. Он даже моргать не мог. Только смотрел, как все его родные люди падали один за другим, когда их настигала очередная пуля. Последними упали его отец, Медведь и потом Линка.

Закончив казнь, Домо повернулся к Халлу и сказал:

— Ты же понимаешь, князь Халл, что по-другому было нельзя? Никто не должен знать, кто ты на самом деле.

Халл молчал. Хотя к этому моменту его паралич полностью исчез. Ему просто было нечего сказать. В таком же молчании он тут же просыпался, весь покрытый холодным потом.

Глава 7

Как всегда, после долгой тренировки по фехтованию, Халл и Домо сидели за столом в комнате отдыха и играли в космач. Рядом с Халлом на подносе было несколько рядов кубиков сыра. В перерывах на обдумывание хода Халл должен был попробовать очередную порцию и угадать по вкусу сорт сыра.

Халл никогда не был большим фанатом сыров. Единственный сорт, который ему нравился, был тот, что делал его отец. Эти же кубики и на сыр-то были непохожи. Были они разных цветов и по вкусу были то жуткой кислятиной, то острыми как выжимка из перца, то безвкусными как вода. Всего пару раз ему попадались довольно неплохие образцы, отдалённо напоминавшие отцовский сыр.

— Ну как, князь Бранимир? — спросил Домо, после того как Халл нехотя отправил в рот очередной кубик.

Этот по вкусу был приторно-сладким как мёд. Халл всегда ненавидел вкус мёда.

— Аврорианский медовый? — предположил Халл.

— Почти, — сказал Домо, двигая фигурку дрона по крышке стола, расчерченной под доску для игры в космач. — Арктуринский медовый. Аврора и Арктурус находятся на противоположных концах Имперiums.

Халл «съел» дрона Домо своим джаггером, но его джаггер тут же был «съеден» скаутом Домо, о котором он совсем забыл. Халл скрипнул зубами от злости. Несмотря на то что в мозг Халла были имплантированы все самые лучшие комбинации по игре в космач, Домо всё равно удавалось обыгрывать его каждый раз.

— Ну вот и на кой мне знать все эти сорта сыров? — раздражённо бросил он. — Лучше бы больше на фехтование налегали.

— Я специально выбрал самое оптимальное время для тренировок, — объяснил Домо. — Сделай мы их даже чуть-чуть длиннее — это было бы абсолютно бесполезным, а в долгосрочной перспективе даже вредным. А знание сыров, согласно «Светской Сплетнице», является последним трендом среди аристократов.

От съеденных сыров у Халла закрутило в животе. Не в силах больше держать это в себе, он громко выпустил газы.

— А вот так делать в приличном обществе точно не стоит, — отчитал его Домо. — Это считается крайне неприличным.

Халл рассмеялся и сказал в шутку:

— Что же, мне уже и дувануть нельзя?

— Аристократы не говорят «дувануть», — терпеливо объяснил Домо. — Они вообще стараются о таком не упоминать.

— Ладно, — усмехнулся Халл. — К Имперскому балу постараюсь вовсе отучиться.

— Ну тогда тебе придётся поторопиться, — ответил Домо. — Ибо мы прибудем на бал уже через час.

У Халла выпала из руки фигура дредноута, которую он занёс, чтобы срубить скаута Домо. Глаза его округлились как десятикуновые монеты.

— Как через час? — спросил он, надеясь, что это была просто неудачная шутка. Хотя Домо никогда не шутил.

— Очень просто, — пожал плечами Домо. — Прошло ровно тридцать дней с тех пор, как мы начали наш полёт. Разве ты не заметил?

На корабле не было смены дня и ночи, так что вести счёт времени было крайне сложно. Если у тебя не было встроенного в мозг хронометра, как у Домо, конечно же. Поначалу он

пробовал считать свои циклы сна, однако в начале полёта его сон стал очень нерегулярным. Иногда он засыпал на пару часов прямо в середине «дня» после изнуряющих тренировок, а потом досыпал оставшиеся часов пять чуть позже. В итоге время то растягивалось в тягучую трясину, то бежало как ужаленный в зад заяц.

— Так что же ты раньше не сказал?! — выпалил Халл, стучая кулаком по столу так, что несколько его фигур попадали со своих квадрантов.

— А зачем? — без тени эмоций спросил Домо. — Скажи я тебе это, к примеру, часов двадцать назад — что бы это изменило? Проворочался бы в кровати без сна до утра, а потом продирали бы глаза и падал от усталости прямо во время дуэли. А так ты свежий, отдохнувший и выспавшийся.

— Ну ты бы мог мне это сказать хотя бы за несколько дней, — не сдавался Халл. — Я бы больше налегал на тренировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.